ПИОНЕР

1929

6

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПРИВЕТСТВУЕМ!

Юбилей журнала „Пионер“

Всех пионеров мы поздравляем с пятилетним существованием их журнала ,,Пионер“.

Стремиться ,,все знать“, быть грамотным, всегда везде учиться, учиться по книге, учиться на общественной работе, уметь совмещать свой отдых и свою учебу. Это должно отличать пионеров от всех других. От пионеров потребуется не только об‘яснить—как общество устроено, но они должны будут учить других, как его перестроить,—к этому ,,Пионер“ должен быть готов.

Журнал должен всему этому содействовать, должен быть помощником пионера, его руководителем.

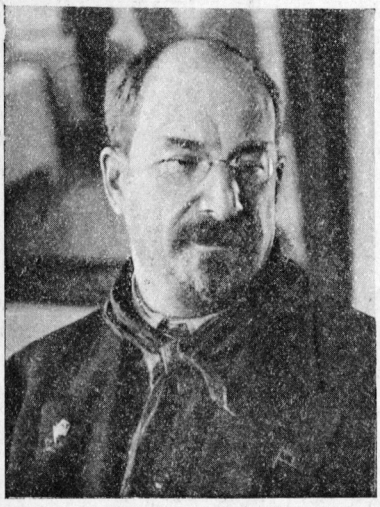
Секретарь ВЛКСМ А. Косарев

Журнал ,,Пионер“ поставил перед собою правильную задачу воспитания в своих читателях качеств нового человека.

Выполнение этой задачи зависит не только от редакции, но и от самих читателей, от их активного отношения к тем вопросам, которые выдвигает журнал.

Центральное бюро детской коммунистической организации им. В. И. Ленина поздравляет всех читателей, и в первую очередь пионеров и школьников, с пятилетним юбилеем ,,Пионера“ и желает журналу (с еще большей энергией бороться за нового человека, за коллективиста и общественника.

Председатель ЦБ ДКО
А. Северьянова



В связи с пятилетием журнала ,,Пионер“ шлю мои горячие пожелания одному из лучших детских журналов, воспитывающему в подлинном коммунистическом духе подрастающее поколение. Желаю наибольшего вам успеха.

Нарком по просвещению
Луначарский

Двухгодевалые ,,Дружные ребята“ горячо приветствуют старшего товарища, достигшего 5-летнего возраста.

Пробираясь по школам, отрядам, по всем путям ребячьей жизни, мы будем встречаться для сотрудничества в организации ребят всего СССР.

Редактор журнала крестьянских детей «Дружные Ребята.

Е. Гвоздикова

Содержание юбилейного номера

Хырмон—рассказ Родиона Акульшина. Р. Акульшин недавно вернулся из поездки в Туркменистан и Узбекистан, оттуда он привез рассказ ,,Хырмон“ о том, какова была жизнь дехкан в Бухаре до революции. Рисунки Андрея Гончарова.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЗЕТАМ

Две страницы, новые для журнала. О том, как рабочие лечат докторов, о том, как пионеры хоронят водку и о том, как лошади в очереди стоят. Про перевыборы советов, про заборные книжки. Рис. А. Каневского.

КЕМ Я ХОЧУ БЫТЬ

Восемь писем Шуре Климовой и открытка от Кузьки. Буду кино-актером. Дай пять, Шура. Ты замечталась. Читатель, согласен ли ты с Шурой Климовой?

БУМЕРАНГ

Что в Бумеранге

Вид у Бумеранга. Необычный—юбилейный вид Камчатки.
Рисунки на конкурс и мн. др.

ДЕМИД ШАПКИН

Продолжение повести А. Кожевникова. Смута в коллекторе. Рисунки П. Митурича.

60-летний юбилей НАДЕЖДЫ КОНСТАНИНОВНЫ

Привет от читателей Как у нас гостила Н. К. Крупская.

КИП № 5.

Фабрика на столе. Кино КИП‘а. Изобретения членов КИП‘а. Ответы на вопросы.

Приветствия писателей к пятилетнему юбилею журнала. С. Маршак, М. Светлов, А. Кожевников, С. Григорьев приветствуют журнал ,,Пионер“.

У себя дома—новая игра. Нитяный телефон.

25 Марта 1916 г. День рождения Кузьки. Кто такой Кузька. Как его фамилия. Подарки. Дом, где родился Кузька. Его родители. Новый костюм.

ИНТЕРЕСНЫЕ СЛУЧАИ В РЕДАКЦИИ

Трехметровое письмо. Деткор в котелке. Принудительные приключения. Почетная расклейка.

ФОТО-ЗАГАДКИ

Новые звери, новые птицы. Матросы в воздухе. Двухголовые чудовища. Таинственные пальцы.

Обложка М. Горшмана

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН.
Ответ. редактор И. РАЗИН

129
342

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

МАРТ
№ 6

Гос. Публичн. Б-ка
1929.
Об. экз.

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ХЫРМОН

Рассказ РОДИОНА АКУЛЬШИНА
Рисунки АНДРЕЯ ГОНЧАРОВА

Это было в старое время в Туркестане, во владениях эмира бухарского.

Месяц сентябрь подходил к концу. Дехкане (крестьяне) заканчивали молотьбу пшеницы. В каждом кишлаке (деревне) за дворами возвышались кучи обмолоченного хлеба —хырмоны.

У дехканина Даньяра была самая маленькая куча. Его гумно было в конце кишлака. Он ходил возле хырмона и думал о том, что ему нехватит хлеба до нового урожая.

У него было три сына — Джуманияз, Искандер и Омар, и жена Халима.

До женитьбы пятнадцать лет он жил батраком у богатого бая. Женившись на любимой девушке, он построил себе хауле (избу) и двор. Вместе с женой они занялись хозяйством.

В первый год, выпросив весной денег у богатого соседа, они посеяли хлопок. Но лето было холодное, снег в горах не таял, реки обмелели, все каналы пересохли, поливать хлопок было нечем. Посев пропал, расплачиваться с соседом было нечем, пришлось снова поступать в батраки.

Когда подросли сыновья, отцу с матерью стало полегче. Старшего Джуманияза несколько лет подряд отдавали в подпаски.

Искандер был отдан в ученики гончарному мастеру. Несколько раз он убегал от него к отцу, жалуясь на тяжелую работу, но отец, гладя мальчика по голове, говорил:

— Терпи. Будешь терпеть — живым останешься. Не захочешь терпеть — с голоду умрешь.

Мать жалела своего худенького черноглазого Искандера, но ее слез никто не видел, потому что по восточному обычаю даже перед своими сыновьями мать должна была закрывать свое лицо жесткой сеткой из конского волоса. Работа для мальчика была действительно трудной: хозяин будил его вместе с восходом солнца, заставлял его таскать большими ведрами воду из арыков (каналов), потом месить ногами глину и растоплять печи. Работы было много, а кормил хозяин своего ученика плохо: два раза в день зеленый чай и две пресных лепешки в сутки.

Самый младший — Омар—помогал отцу окапывать небольшой виноградник, чинить дувалы (заборы), ездил вместе с отцом на ишаке по базарам.

В том году, когда Даньяр с беспокойством глядел на маленький хырмон, Искандер ушел на заработки в Афганистан. Пастух Джуманияз получил от хозяина втрое меньшую плату, чем в прежние годы, потому что в последнюю зиму гололедица погубила больше половины стада.

Найдет ли Искандер работу в Афганистане? Когда он вернется с деньгами домой? Сколько придется заплатить податей эмиру? Холодная ли будет зима? Такие мысли беспокоили бедного дехкана, когда в кишлак на белом красивом жеребце прискакал дорга — помощник уездного управителя—амлякдара. Дехкане выбежали на улицу, чтобы приветствовать начальника. Они прикладывали правую руку к сердцу и кланялись.

Доргу звали Пулатом. Он был одет в полосатый шелковый халат, голова была замотана белой чалмой. В конце кишлака он остановил белого коня. Дехкане помогли ему сойти на землю. Потом они привязали лошадь к тутовому дереву и дали ей зеленой травы—люцерны. Размахивая плетью, Пулат направился к хырмону Даньяра. Халим, Омар и Даньяр почтительно поклонились Пулату. Недалеко от гумна по арыку бежала вода. Пулат спросил у Даньяра кетмень (мотыгу), подошел к арыку и рас-

ковырял сырую землю. Потом он велел Даньяру поднести глиняные сырые пласты к хырмону. Там он своими руками стал раскладывать землю на хлебную кучу. Он положил на нее шесть кусков земли. Каждый кусок был величиной с тарелку. После этого он снял со своей шеи синий шелковый шнурок, на котором держалась круглая деревянная печать величиной с блюдечко. На печати были вырезаны изображения цветов и зверей. Пулат стал прикладывать печати к сырым пластам земли на хырмоне. Цветы и звери отпечатывались на земле так же, как буквы железной печати отпечатываются на сургуче. Приложив шесть печатей, Пулат сказал Даньяру:

— Через две недели в кишлак приедет амлякдар и осмотрит хырмоны. Не ломай печатей. Не бери из хырмона зерна. Возьмешь зерно из кучи, получишь три раза по одиннадцать плетей по голой спине.

Потом Пулат пошел по другим гумнам, чтоб проделать то же самое и предупредить дехкан, что их ждет, если печати на хырмонах поломаются.

К вечеру дорга закончил наложение печатей на хырмоны, поужинал у муллы (священника) и уехал из кишлака. Для жителей деревни наступила беспокойная пора. Каждый думал о том, чтобы не поломались печати. А если печати нечаянно сломаются, то хозяев ждут плети по голой спине. Начальники не поверят, что печати поломались сами. По-другому об'яснят начальники поломку печатей.

— Ты украл из хырмона несколько пудов зерна. Когда ты крал зерно, куча развалилась, поэтому поломались печати.

И днем и ночью караулили дехкане опечатанные хырмоны. Нужно было следить, чтоб не набедили мыши, чтоб к куче не подошел ишак (осел), не подбежали куры. Днем возле хырмонов сидели ребята, ночью кто-нибудь из старших.

На другой день после от'езда Пулата из кишлака, Даньяр заболел малярией. Он лежал в избе и стонал от головной боли. Халима сидела возле него и плакала. Она боялась, что муж умрет, а Искандер не вернется из Афганистана. На деньги, которые получил Джуманияз за пастушество, они не сумеют прожить целый год. Придется слабосильному Омару наняться в батраки к богатому баю. Несчастная мать всем сердцем хотела уберечь своего последнего сына от хозяйских побоев и непосильной работы.

Человек отбивается от собак палками и камнями.

Омар, карауливший хырмон с утра до вечера, должен был и ночью сидеть возле хлебной кучи. Вечером мать принесла ему лепешку и винограду. Уходя, она сказала:

— Смотри лучше за хырмоном, отгоняй бродячих собак, следи, чтоб к хлебу не подбегали мыши. Они будут нырять в куче и столкнут печати со своего места. Тогда нас сочтут ворами. Тогда будут бить больного отца.

Омар сказал:

— Я не буду спать.

Он поднялся с земли и стал ходить вокруг хырмона. На ходу он ел виноград и лепешку.

После заката солнца заря быстро потухла и показались звезды. В арыке тихо журчала вода. Над камышами возле арыка бесшумно мелькали летучие мыши. Скоро на востоке показалось огенное пятно. Это всходила луна. Недалеко от кишлака, на кладбище, завыли шакалы. Их завыванье было похоже на плач обиженного ребенка. Омар подумал о том, что шакалы разрывают могилы и ему стало страшно. Но он говорил сам себе: „Я ничего не боюсь... Я не буду спать... Я никому не дам разломать печати".

Поднимавшаяся луна освещала окрестности. От деревьев падали длинные тени. Когда в траве слышался какой-нибудь шорох, Омар, размахивая прутом, кричал:

— Пошт! Пошт (берегись)!

В кишлаке на дехканских дворах изредка кричали ишаки и лаяли собаки. Омар устал ходить вокруг хырмона и присел на траву. Но не прошло и минуты после этого, как его голова начала кружиться и словно заволакиваться туманом. Омар испугался, что уснет, и снова поднялся с травы. Его ноги дрожали от усталости, голова становилась все тяжелее. Тогда он запел песню, которую перенял от отца:

Круглый месяц, ясный месяц,
У тебя глаза большие.
Часто ты глядишь на землю,
Много видишь всяких всячин.
Расскажи мне, круглый месяц,
О такой стране счастливой,
Где не знают люди горя
И от голода не плачут.
Что ж молчишь ты, ясный месяц?
Разве нет такого края?
Или твой язык небесный
Отжевал осел ушастый?

Песня не помогла разогнать сон. Омар побежал к арыку и умылся. Вода освежила его, но не надолго. Глаза закрывались. Трава соблазняла прилечь. Со двора окликнула мать

— Омар, ты не спишь?

— Не сплю —крикнул Омар, еле открывая слипающиеся веки. Он все-таки решил на минутку прилечь

„Я прилягу, а спать не буду", — думал Омар.

Журчащая в арыке вода убаюкивала усталого мальчика.

— Я буду слушать, как журчит вода и не усну,—сказал про себя Омар,— вот подул ветер, зашелестели камыши... Я слышу, как они шелестят... Я слышу воду. Она бежит, бежит днем и ночью и о чем то поет. О чем она поет? Я слышу ее песню, я понимаю ее. Она поет: „Я бегу в поле, чтоб напоить корешки хлопка, риса, кунжута и джугары".

Месяц опустился на землю, подошел к Омару, спрашивает у него:

— Хочешь лететь в счастливую страну?

— Хочу,— говорит Омар. И они улетают далеко-далеко, на берег широкой реки. Они опускаются в богатом кишлаке и видят нарядных людей. Мужчины поют песни, женщины сидят за столами и едят плов, а дети пляшут под веселую музыку. Под

тюбетейками у детей красные и белые розы. Дети зовут к себе Омара, они говорят ему: „Пляши вместе с нами... Мы всегда веселимся, потому что живем в счастливой стране“. Омар спрашивает у них, можно ли привести сюда отца и мать, можно ли остаться в счастливой стране навсегда? Омару говорят: „Можно, можно, веди сюда скорее отца и мать“. Омар просит поскорее лететь к больному отцу. Месяц говорит:

— Держись крепче за мою шею.

Но они летят слишком быстро. Голова у Омара начинает кружиться, в ушах у Омара странный звон, похожий на собачий лай, руки Омара отделяются от шеи месяца, и Омар падает на землю. От боли в левом плече мальчик просыпается. Возле него лежит камень. Неподалеку от хырмона неистово лают собаки, напавшие на прохожего человека. Человек отбивается от собак палками и камнями. Камни летят в разные стороны. Вот один падает на хырмон и разрушает земляную печать.

Омар вскочил, дрожа от испуга и боли в плече. Собаки почти перестали лаять. Шуршали камыши над арыками. Месяц строго глядел на Омара. Омар хотел бежать домой, чтоб сказать о несчастье отцу и матери. Он уже сделал несколько шагов от хырмона, потом остановился.

— Отец заснул, а я разбужу его... Отец снова будет стонать от боли. Я скажу о несчастьи матери. Скажу, когда спрячутся звезды и месяц.

Глядя на разломанные куски печати, он вспомнил угрозы Пулата. Неужели будут бить больного отца? Я виновен в том, что не уберег печать от разрушения. Пусть меня секут три дня подряд, но не трогают старого больного человека.

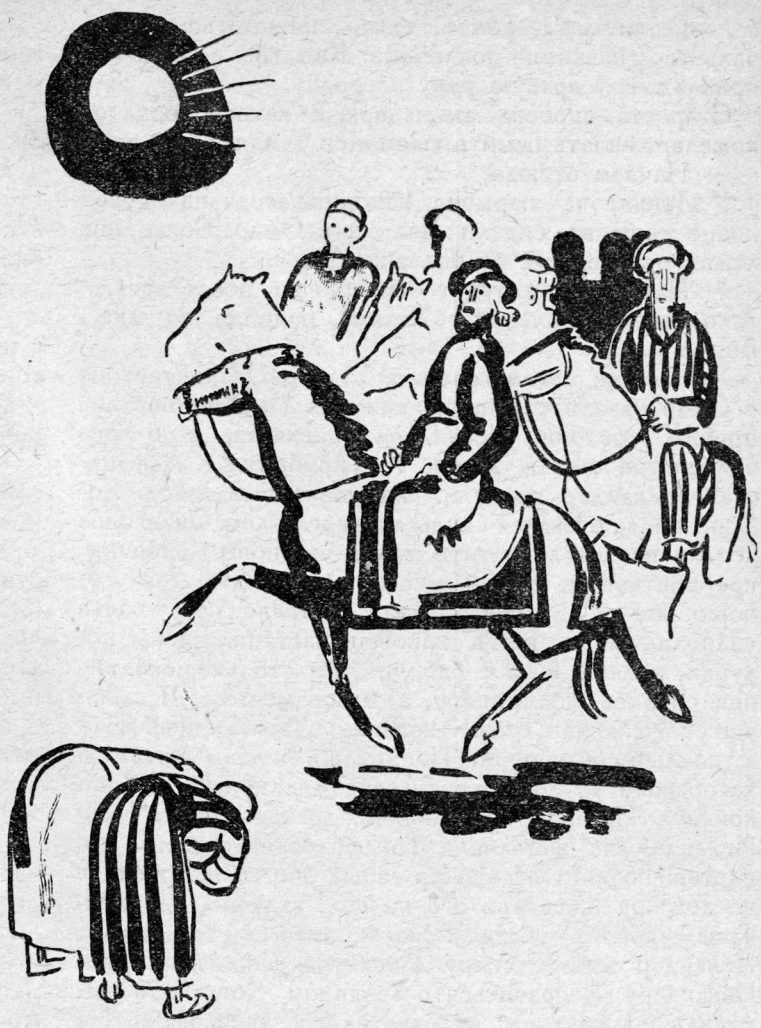
Потом Омар задумался над тем, почему из своего хырмона нельзя до приезда амлякдара взять ни одного фунта зерна? Мы с отцом пахали землю, мы сеяли пшеницу, мы ее жали и молотили. Это наш хлеб... Пулат говорил, что сначала нужно заплатить налог эмиру и всем его начальникам, а потом думать о себе. Уплатить тем, кто не работал. Им уплатить, а самим итти в батраки. Кто установил такой порядок?

Молчал месяц, молчали деревья и камыши, журчала вода в арыке. Омара больше не клонило ко сну. До восхода солнца он ходил вокруг хырмона. Рано утром к хырмону пришла мать и сказала, что отец задремал только перед зарею. Из-под чачвана (покрышки для лица) Халима не сразу разглядела сломанную печать. Омар сам указал на расколотый кусок земли и сказал, что он в этом не виноват.

— Не говори отцу, а то он еще больше расхворается.

— Что скажем амлякдару? Чем оправдаемся?— забеспокоилась Халима.

— Я расскажу, как было дело, амлякдар мне поверит,— утешал Омар свою мать,— только одна печать сломана, остальные печати на своих местах. Будем лучше их караулить.



К кишлаку под'ехала целая свита.

На другой день были сломаны две печати у Даньярова соседа Касыма. В то время, когда обедала Касымова семья, к хырмону подбежали куры и начали расшвыривать зерно. Верхний слой хырмона пришел в движение, печати поползли вниз и раскололись.

Накануне приезда амлякдара бедный дехкан Ульмас подкрался ночью к хырмону своего богатого соседа Тимура и толстой палкой разбил двенадцать печатей. Ульмас когда-то жил в батраках у Тимура. Хозяин при расчете не доплатил батраку. Ульмас сказал, что рано или поздно он отомстит толстому Тимуру. По всему кишлаку шли разговоры о том, какое будет наказание за сломанные печати. Три хырмона были не в порядке: у Даньяра, Касыма и Тимура.

Через пятнадцать дней к кишлаку под'езжала целая свита. На красивом гнедом жеребце ехал амлякдар (начальник над уездом). Он был одет в бледно-розовый шелковый халат. Над правым ухом из-под белой чалмы свисали две алые розы. Темно-лиловая бархатная попона была обшита золотым позументом. В правой руке амлякдар держал плеть. По обе стороны от амлякдара ехали другие начальники: седобородый старик аксакал — заведующий распределением воды, амин—староста, мирза—писарь амлякдара, весовщик, священник, парикмахер, хлебопекарь и конюх амлякдара. Все ехали верхами на жеребцах. За свитой клубилась белая тонкая пыль. День был очень жаркий. Свита остановилась

в конце кишлака. Толпа дехкан приветствовала начальство низкими поклонами. Каждый с тревогой прикладывал правую руку к сердцу.

Староста спросил амлякдара, с какого конца он пожелает начать осмотр хырмонов. Амлякдар сказал:

— Начнем отсюда.

У Даньярова хырмона, находившегося на другом конце кишлака, сидели Халима и Омар. Возле них лежал ослабевший от болезни Даньяр.

— Наш хырмон будут осматривать после всех,— тихо говорил больной.— Халима, подойди ко мне... Боюсь я...

Халима не могла говорить от горя. Накануне она и Омар узнали страшную новость. Из Афганистана пришел товарищ Искандера и сказал, чтоб его больше не ждали домой. По прибытии в Афганистан Искандер поступил на гончарный завод. Хозяин завода оказался скупым вымогателем. Он больше недели не хотел платить жалованья новым рабочим, проработавшим целый месяц. Он каждый день говорил им: „Получите завтра". Рабочие все больше озлоблялись, а когда наконец наступил день получки, хозяин выдал рабочим не столько, сколько приходилось по уговору, а вдвое меньше. Вспыльчивый Искандер сказал хозяину: „Ты—жадный волк и подлый обманщик. Ты хочешь нашим потом и каторжным трудом нажить себе миллионы". Хозяин крикнул Искандеру: „Замолчи, драная собака". Но Искандер не замолчал. Тогда хозяин ударил его плетью по лицу. Искандер забыл обо всем, бросился на хозяина и, свалив его на пол, задушил платком. Трое рабочих убежали из конторы, как только Искандер затеял ссору. Двое товарищей помогали Искандеру расправиться с хозяином. Когда они выходили из конторы, их схватили и арестовали. На другой день их судили, на третий день бросили в мешках с высокого минарета. Потом трупы были увезены за город и там выброшены на с'едение шакалам.

Амлякдарская свита, решив начать осмотр хырмонов с того конца, направилась к гумну дехкана Турсуна. Вслед за начальством шли соседи и нищие. За сорок шагов от хырмона всадники спешились. Поручив своих коней дехканам, они пошли к хырмону, а, подойдя к нему, оглядели его со всех сторон. Печати у Турсуна были в исправности. Начальники молча уселись вокруг хырмона. Турсун сказал:

— Омин, алла, хакибар (господи, благослови меня грешного)!

Потом он взял лежавший в стороне галвыр (решето) и наполнил его зерном. В том месте, где он почерпнул зерно, печати сломались. Теперь это было не страшно, теперь их нужно было ломать.

Хозяин с галвыром пошел вокруг хырмона. Зерно из галвыра сыпалось, образуя ленту. Когда зерновая лента опоясала хырмон, оставшееся в решете зерно хозяин отдал священнику. Такая церемония называлась хакула. По поверью дехкан она очищала зерно, сильно загрязнявшееся во время молотьбы.

После этого весовщик отделил от хырмона три пуда зерна за проверку всего хырмона. Взятое зерно он высыпал в мешок амлякдара. Затем все сидевшие встали и снова несколько раз обошли хырмон, определяя на глаз, сколько в нем пудов. Немного подумав, амлякдар сказал:

— По-моему, в хырмоне сто тридцать пудов.

— Семьдесят,— сказали амин и аксакал.

Писарь, конюх, пекарь, дорга и весовщик поддерживали амлякдара и уверяли, что в хырмоне не меньше ста тридцати пудов.

Амин, аксакал, хозяева, соседи и нищие старались доказать, что в хырмоне не больше семидесяти пудов. После долгого спора обе стороны пришли к соглашению, что в хырмоне ровно сто пудов зерна. Амлякдар приказал писарю внести в налоговой список имя и фамилию дехкана.

Заполнив все графы, писарь сказал Турсуну:

— Из этого хырмона ты отделишь сорок три с половиной пуда для уплаты налогов, остальные сорок шесть с половиной пудов остаются тебе.

В это время подошли к хозяину священник и парикмахер:

— Не забудь мне отделить два пуда,— сказал священник.

— Мне один пуд,—напомнил парикмахер.

— Еще утекает три пуда,—печально сказал Турсун.

Но на этом расхищение хозяйского добра не кончилось. Турсуна обступили побирушки, монахи и нищие и стали умолять его пожалеть их и отделить им малую толику. Они просили всевышнего аллаха о ниспослании хозяину урожая в будущем году, они желали Турсуну здоровья и вечного блаженства в раю Магомета.

Турсун пришел в отчаяние.

— Нате! Берите! Вы хотите вытянуть из меня все жилы. Вы не приходили ко мне, когда я надрывался работой! Вы слетелись на готовое, как стая ворон!

Пока Турсун отмерял хлеб для дармоедов, амлякдар со свитой справлял церемонию у других хырмонов. Дошла очередь до богатого Тимура, у которого Ульмасом были сломаны все двенадцать печатей. Ульмас наблюдал издали, как подошел амлякдар к большому хырмону и развел руками от удивления. Ульмас ждал, что вот амлякдар прикажет бить Тимура плетьми по голой спине, но вместо этого он сказал:

— Расскажи нам, Тимур, как это случилось, что все печати на твоем хырмоне оказались поломанными.

И Тимур начал так:

— О, мой добрый господин! Вы знаете мои труды. Я не досыпаю ночей, я не просиживаю лишних минут за чаем. Каждую минуту я думаю о праведном труде. И аллах не забывает меня своей милостью, посылая здоровье мне, моей жене и моим детям. Но наполнено сердце человеческое злобой, как трещины земли скорпионами. Не дают покоя мои неустанные труды лодырям, ненавистникам. И вот в час, когда над землею царит мрак, боящийся святого лика луны, один из таких злодеев разрушил палкой все печати, наложенные именем великого эмира.

Рассказ Тимура растрогал слушателей. Многие от умиления заплакали. Амлякдар сказал:

— Я знаю Тимура. Своим трудовым потом и мозолями от тяжелого кетменя (мотыги) он радует сердце аллаха. Я верю его рассказу.

— Мы верим рассказу Тимура,—сказали остальные из свиты амлякдара.

Ветер дул в ту сторону, где стоял Ульмас. Ульмас слышал фальшивый рассказ Тимура, и сердце бедного человека содрогалось от бессильной злобы.

Ульмас хорошо знал, что Тимур с утра до вечера раз езжал по гостям и по базарам, а когда бывал дома, то не поднимался с ковра и не отрывался от пиалы с зеленым чаем. Все для него делают батраки, из которых он выжимает последние соки. Но его рассказу верят потому, что он богатый человек и может делать дорогие подарки всем чиновникам эмира.

— Тираны! Дармоеды!—закричал Ульмас, но ветер унес слова ненависти в противоположную сторону.

Амлякдар не стал определять на-глаз вес хырмона. Он спросил у хозяина, сколько в хырмоне пудов, и хозяин ответил: „сто", хотя каждый был уверен, что в хырмоне не менее пятисот пудов. Амлякдар надеялся на хорошие подарки от Тимура и поэтому сказал писарю:

— Запиши, что у Тимура Рахимирзаева сто пудов.

В этот день с караваном пришел Джуманияз

В хырмоне Ульмаса было не больше пятидесяти пудов, но амлякдарский глаз обладал удивительными способностями: преуменьшая вес хлеба у богатых, он преувеличивал иногда в два раза количество пудов в маленьких хырмонах, принадлежавших беднякам.

— В хырмоне сорок пудов,— сказал, еле сдерживаясь от ненависти, Ульмас.— Я сеял шесть танапов (полторы десятины). В хорошие годы я не сбирал с шести танапов больше пятидесяти пудов... Урожай в этом году плохой. В хырмоне не будет даже сорока пяти пудов.

— А, по-моему, в хырмоне все-таки не меньше семидесяти пудов,—сказал с улыбкой амлякдар.

— Я не согласен с таким весом,—закричал Ульмас,—пусть таразычи (весовщик) перевешивает весь хлеб.

К Ульмасу подошла жена Ойнеса и стала упрашивать его не делать перевешивания. Она думала, что, если в хырмоне окажется семьдесят пудов, то у них отберут весь хлеб.

— Я знаю, сколько в хырмоне пудов, поэтому ничего не боюсь,—сказал Ульмас.

Соседи, староста и аксакал боялись, что перевешивание займет много времени и оттянет определение урожая в других хозяйствах. Все говорили Ульмасу:

— Бараксы кетады (Не вешай, отдай амлякдару налог)!

Но Ульмас настоял на том, чтоб весь хлеб в хырмоне был перевешен. Амлякдар поручил своему писарю следить за правильностью перевешивания, а сам пошел к Тимуру есть плов и пить чай.

Весовщик взвесил наполненный вровень с краями галвыр (решето). Чистый вес зерна равнялся двум пудам. После этого весовщик, писарь и все остальные, кроме нескольких соседей и самого хозяина, взяли по длинной тонкой палочке и, усевшись в сторонке, сняли с головы тюбетейки. Ульмас, наполняя галвыр, высыпал его неподалеку от хырмона. В это время все, у кого были в руках тонкие палочки, отламывали от них по маленькому кусочку и складывали в тюбетейку. Жена Ульмаса Ойнеса делала то же самое. Когда весь хырмон был пересыпан на другое место, писарь махнул рукой. Это означало, что можно приступить к счету палочек. Каждый высыпал палочки на край халата. Сосчитанные палочки снова складывались в тюбетейки. Сосчитав палочки, свидетели положили руки на животы. Писарь велел называть каждому число палочек:

— Двадцать одна!—сказал староста.

— Двадцать одна!—повторил аксакал.

Только у парикмахера оказалось девятнадцать палочек. Над ним все засмеялись, писарь сказал:

— Наверно подумал о тупой бритве и прозевал два галвыра.

У жены Ульмаса тоже была двадцать одна палочка. Дорга Пулат пошла доложить амлякдару, что хырмон перевешен. Ульмас, увидев идущего амлякдара, сказал жене:

— У него очень плохой глаз для бедных и слишком хорош для тех, кто угощает его пловом (жареной бараниной с рисом).

Подошедший начальник спросил:

— Сколько?

— Двадцать одна галвыр, или сорок два пуда,— в один голос сказали свидетели перевешивания.

Амлякдар пожал плечами, потом сказал:

— Странно... До сих пор мой глаз никогда не ошибался.

Ульмас дрожал от ненависти к чиновникам эмира. Он не мог сдерживать своей обиды и высказал в глаза амлякдару то, о чем думал:

— Вы не ошибались потому, что никто из бедных людей не решался перевешивать своих хырмонов. Я ошибся только на два пуда. А вы хотели приписать мне двадцать восемь лишних пудов, чтоб взять побольше налогов. Сейчас у меня на налоги уйдет двадцать один пуд, столько же останется для меня.

А что бы получилось, если б я согласился с вами, что в хырмоне семьдесят пудов? У меня бы взяли тридцать пять пудов, оставив мне с женою на весь год семь пудов. Я знаю цену вашему глазомеру. Не годится ваш глаз для определения урожая бедных.

Аксакал подошел к Ульмасу и тихо сказал:

— Не раздражай амлякдара. Он берет в правую руку плеть. Проси прощения у амлякдара за свои правдивые, но обидные слова. Проси, пока не поздно.

Аксакал отошел от Ульмаса. Амлякдар стоял хмурый. Все молчали. Ойнеса с мольбою протягивала руки к мужу. Переселив свою злобу, он сказал:

— Прошу простить меня. Я погорячился. Амлякдар — справедливый человек.

Гроза амлякдарского гнева рассеялась, рука амлякдара разжала плеть, прицепив ее к поясу. Чиновники пошли на другое гумно.

В этот день с караваном верблюдов приехал в кишлак пастух Джуманияз Арсланов — сын Даньяра и Халимы. Он входил на свой двор в тот момент, когда к хырмону соседа Касыма приближалась амлякдарская свита. У Джуманияза были большие глаза и густые черные усы. От постоянного пребывания на воздухе его лицо сильно загорело. Он был строен, все, кто с ним встречались, называли его красавцем. Он пришел домой потому, что получил расчет от хозяина-скотовода. Хозяин продал всех овец в Афганистан, а сам собирался переселиться в Персию.

Хозяин с галвыром пошел вокруг хырмона

Джуманияз пришел навестить родителей, чтобы дня через два снова куда-нибудь уйти на поиски работы. При встрече отец и мать заплакали. Они были рады, что видят Джуманияза, но в то же время им было страшно, что он получил расчет. Мать думала о том, что вот перед нею два сына—старший и младший, а среднего—Искандера она больше никогда не увидит. Ей хотелось рассказать Джуманиязу о страшной смерти Искандера, но она боялась за своего мужа Даньяра. Он еще не оправился от болезни, он может умереть от горя. Джуманияз принес клубок шерсти. Передавая его матери, он сказал:

— К зиме свяжешь для Омара теплые чулки.

Омару было приятно, что у него будут шерстяные чулки и он сказал:

— Я две недели караулил хырмон. Только одна печать сломалась, но я в этом не виноват. Прохожий бросил камень в собак, а нечаянно попал в хырмон.

— Амлякдар будет придираться,—сказал Джуманияз.

— Я расскажу амлякдару, как было дело, он поверит мне,—успокаивал родителей и брата Омар.

Мать принесла дыню и лепешек и все стали закусывать возле хырмона. Но в это время на гумне соседа послышались вопли Касыма и глухие удары плетью. У Даньяра задрожала рука, и он уронил лепешку.

— Бьют Касыма,— тихо сказал он и прилег на солому. У него запрыгали колени, он сделался бледным, как мертвец.

— Бьют Касыма,—повторил он чуть слышно,— бьют за поломку печатей. Голую спину секут острыми плетьми. Джуманияз... Омар... Халима... заступитесь за меня.

— Не бойся, отец, пока я жив, они не прикоснутся к твоей спине. Радуйся, что меня подвез караван верблюдов и я успел явиться домой до осмотра хырмона.

— У Касыма куры виноваты. У Касыма испорчено две печати, а у нас только одна... У нас нечаянно,— в страхе говорил Омар. Халима села рядом с ним и взяла его левую руку.

— Вы большие трусы,— сказал Джуманияз и вынул из ножен, висевших на поясе, острый кинжал.

— Спрячь, спрячь,—стала умолять Джуманияза Халима,—спрячь: эта штука разлучит тебя с нами... брось ее в арык, зарой ее в горячий песок.

— Мать, прости меня, что я не могу тебя послушать. На нас идут с плетьми. Чем должны мы ответить на насилье? Молчанием? Покорностью? Нет, мы должны их встретить как равные. Разве мы не люди? Может быть мы лучше их, а они считают нас хуже баранов. Я не брошу кинжала в арык, я не закопаю его в горячем песке.

Расправившись с Касымом, амлякдарская свита, уставшая за день и сильно проголодавшаяся, направилась к последнему хырмону. Дехкане вели под уздцы лошадей. Амлякдар и его приближенные были не в духе. Подойдя к хырмону, они сразу увидели сломанную печать.

— Тут воры!—закричал амлякдар.

— Здесь честные люди,—гордо сказал Джуманияз.

— Знаю я эту честность. Обманывать священную особу эмира, воровать из хырмона хлеб и прятать в потайных местах. Но мы научим вас уважать своих правителей!

Он с презреньем посмотрел на Даньяра.

— Перестань охать и стонать. Никто не поверит в твое притворство. Ты прикинулся больным из боязни плетей, но тебе от них никуда не уйти.

Омар подбежал к амлякдару. Встав перед ним на колени, он прерывающимся от волнения голосом начал рассказ о том, как сломалась печать:

— Господин начальник, отец мой не притворяется. Он захворал на другой день после от'езда дорги Пулата. Он не мог караулить хырмона. Возле отца сидела моя мать, а я караулил хырмон... Я ходил возле хырмона целый день, я отгонял кур и мышей,

а ночью, не знаю как, я уснул... Я слушал, как журчит в арыке вода, я смотрел на месяц и уснул, не помню как. Я спал недолго. Меня разбудил собачий лай. Прохожий отбивался от собак и попал в хырмон. Я сберег этот камень. Вот он. Я сказал вам всю правду, господин начальник. Не бейте моего отца. Он больной. Он умрет...

Амлякдар отшвырнул Омара. Аксакал вступился за больного:

— Прикоснитесь к пылающему лбу Даньяра и вы поймете, что он не притворяется.

Но неумолимый по отношению к бедным амлякдар счел за оскорбление приложить свою руку к голове Даньяра. Джуманияз стоял возле отца. Халиму пугало лицо Джуманияза. С замиранием сердца она ждала конца спора. Она хотела, чтоб он обошелся без кровопролития и в то же время не верила в такой конец.

— Снимайте с него халат!—приказал амлякдар писарю, хлебопекарю и конюху. Подчиненные, боясь ослушаться своего начальника, неуверенно подошли к больному. Среди дехкан пронесся ропот. Большинство соседей было на стороне Даньяра.

— Раздевайте! Почему вы сегодня словно вареные бараны?—угрожающе спросил амлякдар.

Писарь, конюх и пекарь хотели наклониться, чтоб стащить с больного халат, но их остановил глухой и властный голос Джуманияза:

— Вы не прикоснетесь мизинцем к моему отцу!

Все трое отступили. Это еще больше взбесило амлякдара и, подойдя к Джуманиязу, он ударил его своей плетью в правую щеку. Лицо Джуманияза перекосилось от обиды. Схватив амлякдара за грудь, он вонзил ему в сердце кинжал. И в тот момент, когда падал на землю убитый начальник, сердце больного Даньяра разорвалось от страха. Ошеломленная толпа замерла на месте. Под оцепеневшими, испуганными взглядами Джуманияз прошел к лошади амлякдара. Вскочив на седло, он вытер окровавленный кинжал о бархатную попону. Потом он крикнул матери и брату:

— Прощай, несчастная мать! Прощай, мой нежный брат! Будем живы—увидимся. Придет Искандер, передайте ему от меня поклон. Я не забуду о вас! Прощайте!

Он поскакал в сторону пустыни, не зная о том, что тело Искандера выброшено на с'едение шакалам.

Поздно опомнились подчиненные амлякдара. Вскочив на коней, они погнались за Джуманиязом. Но лошадь амлякдара была самая лучшая из всех лошадей свиты. Нужно было подумать о погребении убитого чиновника, и вечером погоня вернулась обратно. Халима сидела у изголовья мертвого Даньяра с раскрытым лицом. В первый раз она открыла его, не боясь закона.

— Она сошла с ума,—сказали о ней свидетели двух смертей.

Мулла распорядился, чтобы тело амлякдара перевезли в его квартиру в соседний кишлак. Потом он обратился ко всем присутствующим с такой речью:

— Мы прогневили эмира, допустив страшное убийство. Нас ждет справедливое возмездие. Оградим себя от соучастия в зверском поступке. Предадим скрывшегося убийцу проклятью.

— Пусть будет проклят убийца!—сказали прислужники амлякдара. Но молчали дехкане. После церемонии проклятья священник предложил передать в пользу семьи убитого амлякдара весь хлеб, собранный Даньяром.

— Оставьте мне и моей матери,— взмолился Омар.

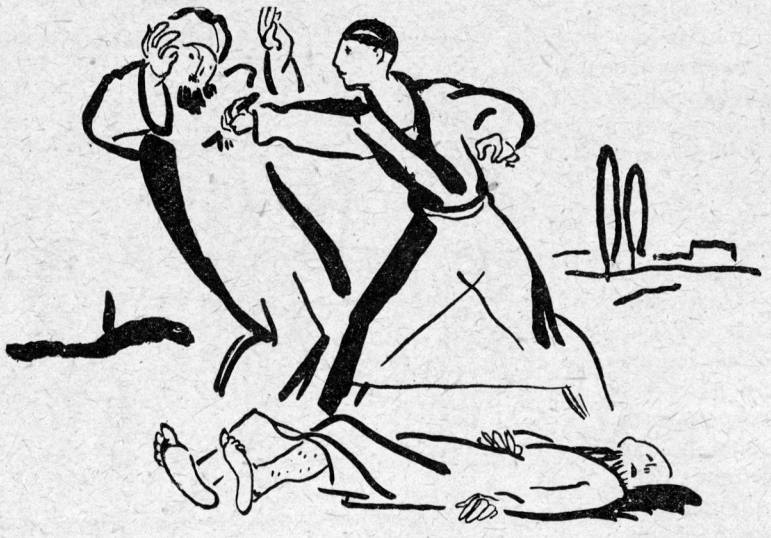
Приближенные амлякдара были глухи к воплям осиротевшего мальчика.

Через несколько дней после этого Омар шел из родного кишлака в чужой город за подаянием. Правой рукой он вел свою мать, лишившуюся рассудка.

— Пойдем, пойдем,—говорила она,—мы разыщем косточки Искандера! Мы догоним твоего брата Джуманияза. Шакалы! Не ешьте Искандера! В пустыне много ящериц и скорпионов. Шакалы, открывайте рты, ящерицы сами поползут в ваши жадные пасти.

— Мама! Мама! Не надо так говорить, — умолял безумную старуху худенький черноволосый мальчик.

Это было в прежнее время в Туркестане, во владениях эмира бухарского.



ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЗЕТАМ

Очерки газетного путешественника

Л. КАССИЛЯ
Рис. А. КАНЕВСКОГО

КОМУ ДЕЛАЮТ ВИЗИТЫ МИНИСТРЫ

Есть одна старая нехорошая песенка о том, как французские министры делали визит римскому папе. Буржуазные министры продолжают делать визиты папе, королям и друг другу. Муссолини захаживает к папе, Пилсудский заезжает к румынским министрам и т. д. Во время таких посещений министры всех стран сговариваются о том, как им лучше сообща прикончить ненавистных большевиков, подавить рабочее движение во всем мире.

Наши советские „министры", наши народные комиссары тоже делают теперь визиты... Кому? Рабочим! Не в Бельведер, не в Ватикан какой-нибудь, а на завод скажем имени Маленкова в Сокольническом районе, на фабрику Москвошвея „Возрождение", на завод „Геофизика". Приезжает наркомздрав Семашко или наркомпрос Луначарский со своими сотрудниками на завод, рассказывает о своей работе, о том, что собирается еще делать, советуется. Рабочие и работницы критикуют работу наркомов, за одно благодарят, за другое ругают. Нарком записывает пожелания рабочих, их указания, чтоб исправить недостатки в работе своих учреждений. Власть у нас рабоче-крестьянская и рабочие сами должны указывать и устранять те недостатки, которые еще иногда встречаются. Так на-днях московские рабочие „лечили" всесоюзного доктора товарища Семашко и „учили" всесоюзного шкраба товарища Луначарского. Наркомы очень благодарили рабочих за ценные указания.

Кроме того рабочие сами делают визиты своим наркомам.

На прошлой неделе 150 рабочих были в гостях у т. Ворошилова. Тов. Ворошилов долго беседовал с рабочими о Красной армии, об обороне СССР. Рабочие прямо засыпали наркомвоенмора вопросами, интересуясь каждой мелочью в жизни бойцов, защитников Советской страны.

А недавно московские рабочие сделали другого рода „визит". 1.500 рабочих, по поручению Рабоче-крестьянской инспекции, под видом посетителей и просителей явились в учреждения и „выловили" там не один десяток бюрократов, волокитчиков, мешающих работе наших учреждений.

Бюрократы не подозревали, что перед ними посланцы рабочего контроля, грубили им, гоняли из этажа в этаж, из комнаты в комнату, словом, показали себя во всей красе. И попались.

Вот как рабочие управляют своей страной.

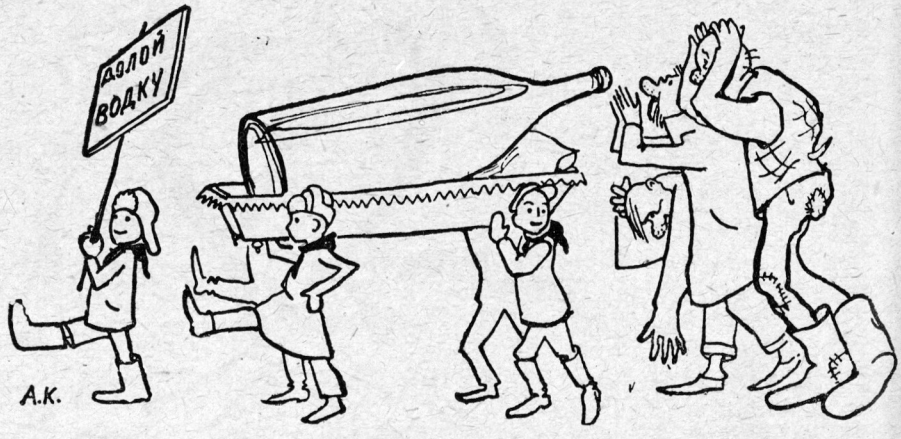
ИНОГДА ДОКТОРА ЛЕЧАТ ПАЦИЕНТОВ

...а иногда пациенты докторов.

КТО ЗА?.. КТО ПРОТИВ?

26-го февраля в Москве начались перевыборы Московского и районных советов. На многих заводах и фабриках были собрания рабочих. А на улицах в этот вечер было устроено очень красивое карнавальное шествие. Сто тысяч человек с факелами, оркестрами, знаменами, чучелами наших врагов, плакатами, лозунгами и диаграммами прошли через Москву к Моссовету. Было морозно, весело и интересно. Рабочие приветствовали председателя Моссовета тов. Уханова и обещали ему все до единого притти выбирать новый совет. И они сдержали свое слово. На перевыборные собрания явились целиком все работающие на предприятиях рабочие и служащие. Приходят на перевыборы и старики и дети. На фабрике „Трехгорная мануфактура" школьники вывесили свои наказы о том, чтобы районный совет улучшил работу в их школе. А на собрании рабочих „Трехгорки", на котором присутствовало 2.500 рабочих и работниц, выступили „трехгорные" пионеры

ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ



Пионеры „Трехгорки" хоронят водку. Неутешные родственники идут за гробом и плачут последними горькими слезами.

и сказали новым, только что выбраным членам совета:

— Дорогие товарищи и родители! Мы вам даем наказ, чтобы у нас на фабрике и вообще было меньше пьянки и больше общественности.—А стоявший на левом фланге самый маленький пионер важно подсказал:

— Это надо во главу угла поставить!

Старая работница сидела около и услышала. Она пошутила:

— В старое-то время тебя самого небось „во главу угла" носом бы ставили, а нонче вишь наказ дает... „Во главу угла"... Ах, ты, избиратель!

— А что же я лишенец что ли? — обиделся парень.

Избиратели, наказы, выборы лишенцы. Наверное вам знакомы эти слова. Вся страна сейчас охвачена желанием выбрать хорошие, настоящие, трудовые советы. Быть членом совета — это серьезное и почетное занятие. Не всякий может быть избран в совет. Не всякий имеет право выбирать в совет. Кто не работает сам, тот лишен этих прав. Люди, ненавидящие советскую власть, всякие бывшие царские генералы, попы, торговцы, кулаки, все те, кто не хочет трудиться на пользу Советской страны,— не имеют права выбирать в совет и не могут быть избранными сами. Они — „лишенцы". В советы же выбирают лучших людей Союза республик.

Парень с „Трехгорки" зря обиделся на работницу. Конечно он сын рабочего, не лишенец. Но выбирать еще самому рано. Сейчас он может дать зато свой наказ. А вот когда ему минет 18 лет, он сможет не только поднять руку, голосуя за других, но и сам может стать членом Моссовета.

ЛОШАДЬ ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК

Разговоры в очереди

1-я ЛОШАДЬ (второй):—Ты постой за меня в очереди, а то того и гляди человек займет. Ох и хитрые эти люди, всюду пролезут.

ХЛЕБ СОЛЬ ЕШЬ—ТАЛОНЫ РЕЖЬ!

Лошади кушают овес и сено. До сих пор это было так всем известно, что стало почти поговоркой. Когда кто-нибудь рассказывает с умным видом давным-давно известные вещи, ему шутя говорят:

— Ах, батюшки, какая новость! Дважды два четыре. Волга впадает в Каспийское море. Лошади кушают овес и сено...

И вот произошло так, что многие лошади перестали кушать овес. Лошади стали есть хлеб. Главным образом это касается городских коняг, например московских.

Дело в том, что в этом году у нас был неважный урожай кормовых злаков и трав. Урожай хлеба был тоже не ахти какой, но все же выше урожая овса. Получилось так, что в Москве например хлеб дешевле овса. И понятно, извозчики и владельцы лошадей и скота стали кормить свою животину хлебом.

А лошади хлеб кушают.

Ничего.

Но хлеба у нас, как мы уже говорили, в этом году не так много, чтоб швыряться им куда попало. Хлеб нужен прежде всего людям. Больше полутора миллионов кило хлеба с'едают в день жители Москвы. Выпекается же хлеба в Москве ежедневно гораздо больше. Куда же он идет? А вот куда. Громадное количество хлеба, как мы видели, поедается скотом. Много скупают всякие торговцы и спекулянты, чтобы потом продать хлеб дороже и нажить на этом деньги. И много хлеба пропадает просто зря благодаря неряшливости. Слишком толстые корки пекут, слишком много хлеба выдают в столовых, груды об'едков валяются, черствеют и часто выбрасываются потом. А между тем у хлебных лавок и булочных бывают из-за этого нередко длинные хвосты, очереди. Скупят сразу много хлеба для скота или спекуляции, а люди услышат, что будто бы хлеба в лавке мало осталось, и бегут стремглав в панике в очередь к лавке. Начинают запасаться на неделю. Ну, каждый хватает помногу, растащат в полчаса весь хлеб, задним в очереди и не остается.

Скандал и сколько времени зря потеряно!

Хлеба в Москве вполне достаточно, чтоб всем хватило. Надо только ввести разумное потребление его, не тратить зря. Поэтому Московский совет решил ввести „заборные книжки". Книжки эти будут выданы всем трудящимся. По такой книжке будет отпускаться с к о л ь к о т е б е у г о д н о х л е б а. Но в книжке будут отрезаться талоны, отмечать, сколько хлеба ты купил, и если ты по три раза в день будешь покупать по двадцать кило, то в магазине поймут, что ты хлеб деваешь не туда, куда следует, торгуешь им или лошадь кормишь. И тебе за это влетит или книжку отберут.

Таким образом все трудящиеся будут целиком обеспечены хлебом. Очередей не будет. Лошадям придется купить овес. На всех собраниях рабочие единогласно приветствуют введение хлебных книжек.

ПРИВЕТ „ПИОНЕРУ“

Журнал „Пионер“ сердечно благодарит своих друзей—писателей и читателей за приветствия и жалеет, что из-за недостатка места не может поместить сотен приветствий, присланных читателями журнала со всего СССР.

Есть два читателя.

Один посылает в контору журнала деньги, а потом каждые две недели спрашивает почтальона:

— Журнал принесли?

С этим читателем редакция не знакома. В толстой конторской книге записан только его адрес: „Ваня Кляксин. Опочка. Улица Карла Маркса“. Кто такой Ваня Кляксин? Чем он интересуется? Понравился ли ему рассказ в последнем номере? Разгадал ли он загадку? Построена ли модель? Согласен ли с Борей Громовым или не согласен?

Это неизвестно.

Скучно издавать журнал для такого читателя. Спрашиваешь, а он не отвечает. Шутишь, а он не смеется.

Это глухонемой читатель. Долой его!

А вот есть другой читатель. Этот отвечает, спрашивает, предлагает, удивляется, сердится, смеется. Это читатель-друг, читатель-сотрудник.

Поздравляю журнал „Пионер“ с пятилетием и желаю ему побольше читателей-сотрудников.

С. Маршак

Четыре (или более уже?) года тому назад я в первый раз пришел в „Пионер“ и спросил: „А где здесь пионеры?“

„А что вы хотите записаться в пионеры?“—ответил мне какой-то юркий мальчишка. И все засмеялись. Я тоже. Наверно, в 5 лет у этого пионера если не борода вроде моей, то усы-то выросли.

— А читаем ли мы „Пионер“? Почему только тот, кто безус, читает „Пионер“? Я тоже читаю.

И вот мое пожелание: желаю юному юбиляру много лет здравствовать и отрастить усы и бороду. Есть книги, которые, будучи прочитаны в детстве, делаются спутником на всю жизнь. Пусть и „Пионер“ сделается этаким журналом.

Сергей Григорьев

Писательская деятельность моя началась в „Пионере“; мой первый рассказ был напечатан в нем в 1924 году. Работая в „Пионере“ практически, как зав. отделом пионерской жизни, с самого начала журнала, я и написал все свои пионерские рассказы. Я вырос и окреп под крылом „Пионера“.

С любовью вспоминаю те времена, когда вместе строили журнал. Помню, проработав с полгода, я неизбежно убегал, затосковав по „свободе“. Затем возвращался, как блудный сын, и редактор наш Добин, пожурив, снова принимал меня в дружную семью работников „Пионера“.

Еще раз приветствую редакцию; берегите хорошие традиции „Пионера“, работайте дружней.

Поздравляю читателей с пятилетием живого пионерского журнала. Принимайте в нем побольше участия. Всем коллективом добейтесь, сделайте его любимым чтением, лучшим советником и другом. Как только сумею, как только смогу, буду и я принимать в этом самое горячее участие. Ведь я первый, „старейший“ деткор „Пионера“.

Николай Богданов

Я „Пионером“ восхищен,
Слежу за ним внимательно—
Ему пять лет всего, а он
Уже такой сознательный!

М. Светлов

Журналу „Пионер“ в день его пятилетнего юбилея желаю в будущем сделаться подлинным отобразителем детской жизни и лучшим другом для молодых читателей.

А. Кожевников

25 МАРТА 1916 ГОДА

Дом, в котором родился Кузька.

Редакция горячо поздравляет своего постоянного сотрудника Кузьму Федоровича с днем рождения и надеется, что он будет продолжать свою полезную работу и останется веселым другом читателей журнала „Пионер".

КУЗЬКИНА БИОГРАФИЯ

Кузьма Федорович Пробкин родился 25 марта 1916 г. в Сергиеве. Отец его, Федор Петрович, был рабочим в игрушечной мастерской, а мать работала по хозяйству. Маленький Кузя был очень активным ребенком. Ему было полтора года во время Октябрьской революции, и когда отец его уезжал в Москву драться с юнкерами, маленький Кузька рвался к нему и раз даже вывалился из своей кровати. Говорить он начал рано и привирал с детства, так он маму называл папой и наоборот. Очень рано стала проявляться у него склонность к путешествиям и исследованиям. Город Сергиев помнит маленького любознательного ребенка, который на самодельных лыжах скатывался с самых крутых сахолмов в городе. Четырех с половиною лет с Кузей случилась неприятность. Будучи смелым по натуре, Кузьма Федорович, не умея еще плавать, пустился в мутные волны Сергиевской речки Вондюхи и чуть не утонул, спасшись только тем, что не потерял присутствия духа, набрав в себя побольше воздуха, надулся, как пузырь, и шляпой загребая воду, приплыл к берегу.

Восьми лет Кузька начал учиться в школе. Он был очень предприимчив, любил много говорить и при этом, как утверждают его современники, немного привирал. За страсть к произнесению речей его много били соученики и даже пионеры. Кузька никогда не ябедничал, но смело разоблачал хулиганов в корреспонденциях, которые по сылал в журнал «Пионер». Несмотря на то, что Кузька писал заметки под псевдонимами и помечал, что они не из Сергиева, а из других городов, например: Клин, Ленинград, Усть-Сысольск и даже Ялта, ребята узнавали об этом и все-таки били его.

Мать Кузьки после смерти мужа, убитого в гражданской войне, поступила работницей на фабрику Игрушпромкустсоюза и красила игрушки. Ей было трудно содержать себя и сына, и Кузька, преследуемый ребятами, поздней осенью 1928г. решил уехать в Москву к тетке своего покойного отца. Тетка, скупая и сердитая, встретила его неприветливо. Поступить в школу Кузька опоздал и стал готовиться дома и частопосещал редакцию журнала „Пионер". Дома Кузька близко сошелся с теткиным мужем, который был проводником на железной дороге. С ним Кузька часто уезжал в далекие путешествия, спасаясь от злющей тетки. Тогда же Кузя стал деятельным сотрудником „Пионера", и редакция, узнав, что он много путешествует, стала давать ему задания, которые он аккуратно исполнял.

Юбилей „Пионера" удачно совпал с днем рождения Кузьки. К юбилею Кузька со своим дядей проводником спешно вернулся в Москву.

ПОДАРКИ КУЗЬКЕ

ТЕЛЕФОН

Писатель С. Маршак дарит Кузьке ко дню рождения телефон. Телефон обладает особым свойством. Его можно носить с собой, стоит только воткнуть вилку в любой телеграфный столб, стену или даже в землю — телефон соединяется с любой точкой земного шара.

ВЕЧНЫЙ БЛОКНОТ

Подарок кузькиного земляка писателя А. Кожевникова. Блокнот никогда не исписывается — правда при одном условии, если в него не писать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Кузька получает в подарок костюм—юнгштурмовский. Костюм никакими особыми свойствами не обладает.

Портрет Кузьки в новом костюме показывает, как он доволен, получив подарки.

Кузька благодарит читателей и редакцию за внимание.

Юбилейный
БУМеранг

МАРТ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА" № 6

ЖИВЫЕ ДЕЛА

НОВАЯ СИСТЕМА изгоняет скуку ИЗ ОТРЯДОВ

ВСЕМ ВСЕМ ВСЕМ

СЛУШАЙТЕ пионерские отряды и школы, близкие и далекие города и села! Слушайте все девчата и ребята, седые старики и веселые октябрята! И звери пусть слушают, мы не жалеем — празднует нынче журнал юбилей! Такого юбилея еще не видел свет — празднует журнал „Пионер"

5 ЛЕТ!

Случаю этого всему населению горячее поздравляю я вам всего — И вот, по юбилея — шлю я свое ление. — Же хорошего! И особенно я бы желал, чтобы каждый пионер выписывал журнал! Работайте, ребята, всем коллективом, работу проводите весело и живо! — Вот взгляните, ребята, для примера, что делают симферопольские пионеры: ходит у них первое звено (— по плану, а не как нибудь) в кино. Работают мастерские отряда, и очень ребята этому рады. В гордеевке ребята устраивают вечера, для катанья ими построена ледяная гора. В мария-соге ребята завтраки едят из овощей, собранных с собственных гряд. Они же, землю золой удобряя, добились хорошего картофельного урожая. — Это ли не достижение человеческого гения! — А вот в Ростове у одного отряда нет помещения. Ребятам в клубе даже не дают напиться. Да впрочем и нет у них в клубе водицы, потому что водица, врагам на страх, у руководителей клуба в головах! — У — ух! Даже захватывает дух! А теперь дорогие братцы, разрешите с вами распрощаться: побегу по своим делишкам. — Вожатый отряда — МИШКА

РАБОТАЕМ ИНТЕРЕСНО

Наше первое звено за последнее время сильно сплотилось. Это об'ясняется тем, что, благодаря введению новой системы, звено пробудилось от спячки и начало проводить большую работу.

Звено 2 раза в месяц ходит в кино, обсуждает картины и дает рецензии в стенгазете. 2 раза в мес. ходит на экскурсии (на производство, на телеграф, в музей и т. д.). На каждом сборе звена обсуждают международные события и достижения науки и техники. Часть ребят занимается в переплетной и в столярной мастерских. На каждом сборе занимаются физкультурой. Поют новые песни!

Г. Симферополь. Н. К. Рупп.

НОВАЯ РАБОТА

До введения новых форм работы — добровольческих — ребята не были заинтересованы работой. А после этого стали хорошо работать. Первое звено организовалось из ребят, желающих кататься на салазках и заниматься спортом. Второе — называется „художник", третье — „КИМ", четвертое „Юнкор" и т. д. Звено „Спортсмен" устроило коллективное катанье горы. II-ое звено рисовало лозунги к перевыборам сельсовета, рисовало портреты с натуры и т. д.

ВСЕ НА ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ

Устроили три спектакля для детей, где звено „Спартак" устроило пирамиды и т. д. Один из спектаклей был платный. На вырученные 5 рублей выписали литературу для пионеров.

Звено „Писатель" составляет рассказы, стихи, головоломки и выпускает ежемесячную газету — „ВСЕГДА ГОТОВ"

Гордеевка. Н. Рожков

ВОТ ТАК УРОЖАЙ!

По инициативе пионеров отряд при школе I-ой ступени в дер. Мария-Соге в 1928 году весною посадили 25 пудов картофеля. Эту картошку удобряли золой. Осенью выкопали 210 пудов картошки. Крестьяне не удобряли землю золой и навозом и от посаженных 25 пудов (без удобрения) получили только 141 пуд 23 фунта. Значит, зола увеличивает урожайность картофеля. Осенью тоже получили разные овощи. Из этих овощей и картофеля устраивали горячие завтраки для отряда.

Г. Агапов.

позабыт, позаброшен..

В книжке „К работе по новому" много интересных опытов работы и предложений. Но они не применимы в условиях работы нашего отряда.

Например, мы располагаем помещением только для сборов и не можем работать в мастерских — столярной, слесарной и других. Нам даже не позволяет фабзавком, в помещении которого мы находимся, повесить хоть один пионерский лозунг. А заведующий не дает напиться воды. В уголке ее даже и нет. Обращаться же по ячейкам по таким вопросам нам уже не в моготу. — Что нам делать?

Г. Ростов П. М.

ПРИВЕТ К ЮБИЛЕЮ ПРИВЕТ К ЮБИЛЕЮ

В редакцию „Пионера" больше нельзя войти, а сидящий там редактор уже неделю не может выйти: все помещение завалено приветствиями, полученными „Пионером" к дню его пятилетнего юбилея. Часть полученного уже прочитана. Часть прочитанного мы печатаем отдельно на страницах 8 и 9

МАЛЕНЬКОЕ БЮРО БОБСЛУЖИВАНИЯ

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ

ВОПРОСЫ

1) Можно ли слать в редакцию письма без марок, если у меня нет на них денег?

2) Какое живое существо живет на земле дольше всех?

Г. Ростов на Дону
Д. Гуерхов

3) Который час на Шпицбергене когда в Ленинграде полдень?

Д. Божедаровка
Горбачук

ОТВЕТЫ

1) Если нет денег на марки, то присылай так. Редакция дает возможность всем ребятам писать письма в журнал

2) Дольше всех живет кит — (300—400 лет), щука — (до 300 лет) черепаха и слон (до 200 лет) очень долго, также, живут лебеди, орлы и коршуны (— до 150 лет)

3) Разница очень небольшая: примерно около получаса, т. е. на Шпицбергене будет около половины двенадцатого

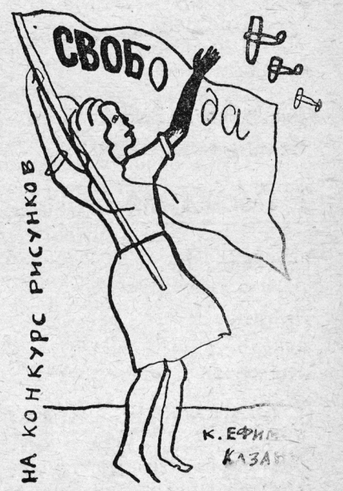
ХОТИМ переписываться

Москва „Пионер" нов. — 100 д. 66

1 Жорж Губенко
Ст. Брянск ПМ-К-В ж. д. Фокинский поселок, Красноармейская улица дом № 3

2 Аркадий Маркичев
Хочу переписываться с деткором журнала „ПИОНЕР" и „Дружные ребята". П. О. Суздаль, Владимирской губ. село Ив. Шуйское.

3 Константин Мочалов
Москва — 20 ул. Ухтомского дом 23 кв. 2



НА КОНКУРС РИСУНКОВ

К. ЕФИМ... КАЗАН...

МАЛЕНЬКИЙ ЕРШ

I Последняя война

Учитель: Тов. Петров, назовите мне последнюю войну и между кем она происходила?

Ученик: Война между Петькой Тыркиным и Санькой Рыжиковым, Павел Петрович. А происходила она из за хлопушек, которые Санька отнял у Петьки.

II Бумажная эпоха

Учитель: Иванов, какая сейчас эпоха?

Ученик: — Эпоха отсутствия бумаги.

Деткор Алексей Малов

НА КОНКУРС РИСУНКОВ

К ПЕРЕВЫБОРАМ СОВЕТОВ

МАТЮЛИН ЛЕБЕДЯНЬ.

ПУЗО МЕШАЕТ

В сельсовет и так и сяк влезть кулак желает. Дверь открыта, да никак что то не пускает!

И кулак пищит слегка красный от конфуза: — Эх, в совете дверь узка, — не протиснешь пуза!

С. Волчок. Н. Топильский

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

Дема и Верочка Шапкины живут в детдоме с матерью-учительницей. Детдом переводят в другое место. Мать Демы увольняют, она должна покинуть детдом и взять с собой детей. Ей некуда итти, она оставляет детей, а сама скрывается, надеясь, что детей, лишившихся матери, не выгонят из детдома. Детей отправляют в коллектор. Из-за плохого руководства зав. коллектором между мальчиками и девочками возникает ссора. Совместное общее собрание не примиряет воспитанников.

(Продолжение)

СМУТА

Людмила Михайловна пришла в отделение и велела дежурному составить группу в десять человек, чтобы подмести двор—осенний ветер накидал кучи опавших листьев, откуда-то затащил сено и солому. Воспитанники сидели кучками и клеили змеев, пристраивали к ним трещотки и привязывали длинные мочальные хвосты.

Дежурный отобрал по списку, но воспитанники отказались итти.

— Я не пойду,—сказал один,—неохота, надоело.

— И чего подметать, скоро снегом прикроет,—заявили прочие.

— Это же всегда делалось,—сказала Людмила Михайловна.—За нас никто не будет подметать. Заведующий велел.

— Заведующий, заведующий,—загалдели воспитанники,—не пугай заведующим: не боимся.

— Что с вами? — удивилась руководительница.

— А ничего, не мешай,—огрызнулись воспитанники и занялись своей работой.

Людмила Михайловна круто повернулась и ушла. Двор остался неподметенным.

Воспитанники весь день пускали змеев, кричали, задрав головы к небу; в столовую ввалились беспорядочной кучей, обедая, озорничали ложками и хлебом.

Людмила Михайловна как бы ничего не замечала, ходила из угла в угол и хмурилась. Она видела, что добиться порядка, восстановить дисциплину, которая вдруг почему-то сломалась, бессильна.

Вечером к мальчикам пришел заведующий. Он спросил, почему не подметен двор. Ему ответили:

— Было некогда,—и засмеялись.

— Чем занимались, баловством?!

— А здорово летают змеи,—проговорил кто-то, спрятавшись за спины товарищей.

Заведующий рассердился, начал ругаться, пригрозил, что всех отправит к трудно-воспитуемым, отобрал змеев и ушел.

Воспитанники проводили его свистом.

Дисциплина в коллекторе сломалась, добрые отношения между педагогами и воспитанниками нарушились. Воспитанники опрокинули все обязательные до того правила и начали диктовать свою неорганизованную волю.

Все это началось после собрания, где заведующий не сумел помирить мальчиков и девочек. Воспитанники увидели заведующего слабым, растерянным, потеряли страх перед ним и уважение к нему. Они нарушили постановление, которое вынесли сами, заведующий не сумел заставить выполнить его. Они поняли непрочность постановлений, непрочность всяких правил. У них как-то само собой явилось желание нарушать все обязательное, отдаться произволу и своеволию. Однажды сорвавшись с узды, которой им представлялись всякие правила, вновь они ни за что не хотели надевать ее. С непонятной быстротой воспитанники разделились на группы, каждая из которых нашла себе любимое занятие.

Одни клеили и пускали змеев, другие занялись карточной игрой, третьи начали откровенно делать

в мастерской разные вещицы и сбывать их на базаре. Нашлась группа, которая ничего иного не делала, а только высмеивала Гудкова и Дему за то, что они дружили с девочками.

На доске начали появляться надписи: „*Гудков + + Демка + Лизка*".

Гудков равнодушно проходил мимо этих надписей, а Дему они обижали. Он злился, разыскивал виновников и совал им под ребра.

Часть воспитанников оказалась вне групп. Эти начали тратить свое время каждый по-своему. Они целыми днями пропадали вне коллектора, шатались по деревням, крали в огородах, дрались с деревенскими ребятами.

Чтобы созвать на занятия хотя бы маленькую кучку, педагогам приходилось воспитанников разыскивать, упрашивать, грозить им исключением и колонией трудно-воспитуемых. Воспитанники точно потеряли уши и разум, на них не действовали ни угрозы, ни уговоры.

Тлен, который начался среди мальчиков, захватил и девочек. „Ваше высочество" потеряла всякое уважение у воспитанниц. Ее не слушались, ей показывали языки, говорили „на-фик" и уходили от нее, не отвечая.

Руководительница ходила с невыразимым отвращением на лице, называла девочек хулиганками и требовала от заведующего:

— Подберите вожжи, взнуздайте эту вольницу!

Заведующий был растерян и ничего не делал, чтобы оздоровить учреждение.

Он полагал, что придут сотрудники из отпусков, и тогда авось все устроится.

Однажды Лизе, которая не знала, чем заняться за время всеобщего смятения и распущенности, пришла мысль сделать альбом „Полет Италии на Северный полюс". Она прибежала к Верочке и сказала:

— Вырежем все картинки, какие есть, и наклеим. Пойдем в библиотеку, попросим журналы и газеты.

Судьба дирижабля „Италия" была известна—он разбился. Генерал Нобиле был вывезен на аэроплане, часть его спутников спасена ледоколом „Красин"—Красин продолжал искать Амундсена, который улетел на самолете „Латам" и не вернулся.

Вся эта история особенно волновала мальчишек. Девочек, и в том числе Лизу, она не так трогала, но почему-то Лиза придумала сделать альбом. Верно для того, чтобы занять свои беспокойные руки.

— Позовем Демку. Амундсен замечательный?—спросила Верочка.

— Самый замечательный.

— Тогда Демка все про него знает. Он про всех замечательных знает.

Девочки побежали к Деме и спросили, знает ли он Амундсена и генерала Нобиле.

— Амундсена знаю, как родного брата, а Нобиле—выскочка.

— Мы задумали альбом про них. Пойдешь клеить?

Дема радостно согласился.

Все трое пошли к библиотекарю за газетами и журналами. Библиотекарь выкинул большую кучу.

— Мы ведь изрежем,—предупредила Лиза.

— Ну, нет,—библиотекарь убрал кучу.

— Дай немножко,—начали упрашивать его ребята.—Мы склеим альбом и отдадим тебе.

Библиотекарь сдался. Ребята унесли с собой пачку газет и несколько штук журналов, разложили их на полу, сами склонились над ними.

Лиза взяла ножницы, ей хотелось резать—это-то особенно и привлекало ее—резать, подбирать картинки, клеить, делать надписи.

— Демка, расскажи нам про Амундсена,—попросила Верочка.

— Он не собачка, ты ведь про собачек любишь.

— Ну, Демка...

— Чудной он,—начал Дема свой рассказ.—У нас старики все на печку лезут, в тепло, а он в самый холод, в трескучий мороз, на полюс. Всю жизнь он в холодах прожил, то на север метнется, то на юг, главное дорывался до самых полюсов, где мороз не выскажешь какой. До Южного полюса он на собаках допер, а до Северного не смог и полетел на дирижабле... Ну, пролетел, флаг сбросил. И Нобиле с ним летал, а потом Нобиле один пролететь задумал...

— Я вырезаю,—сказала Лиза.

— Валяй,—кивнул Дема и начал продолжать,—не все мол с Амундсеном летать, давай-ка я один прокачусь, и я мол не хуже его. Набрал себе артель офицеров, разных ученых, сам за старшего—и полетели. В пику Амундсену, без него. Ну, пролетели, назад повернули, а машина застопорила и упала на лед. Разорвало ее на куски и людей разметало по разным льдинкам. Льдинки плывут, несет их морем и не поймешь куда. Одну кучку унесло и теперь все разыскивают, не могут найти.

Полетел искать и Амундсен, не знаю уж, любил ли он этого Нобиле, пожалел ли, а может на холод захотелось, только полетел. Видно и у него машина застопорила...

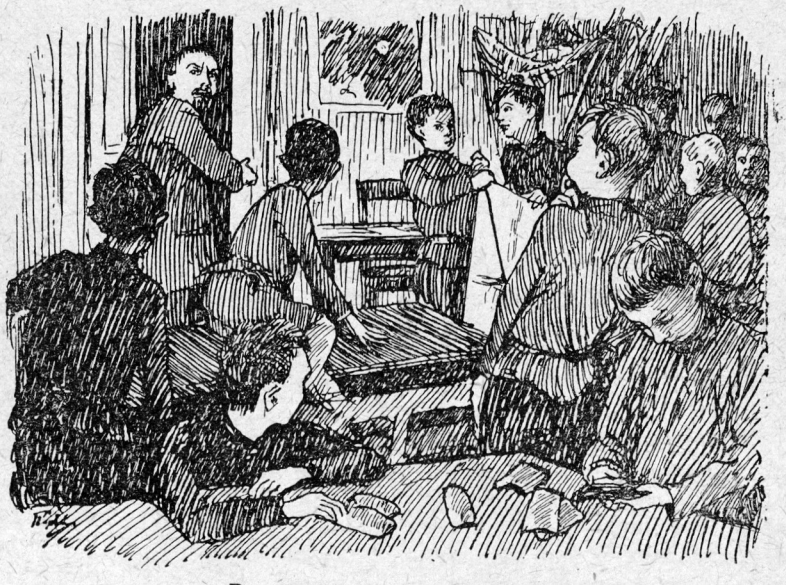
Открылась дверь и в келью шагнула „Ваше высочество". Она оглядела ребят и сказала, обращаясь к Деме:

— Ты опять здесь, забыл, что тебе запрещено являться в наше отделение.

— Я рассказываю про Амундсена.

— Дрянной мальчишка, иди прочь! А это что за газеты, что вы делаете с ними?

Ребята молчали.



Воспитанники клеят змеев.

Ребята разложили журналы на полу.

— Что вы делаете с ними?

— Вырезаем, разве не видите?—проговорила Лиза, у которой вдруг начали подергиваться щеки.

— Вырезаете, когда другие на беседе? Идите на беседу, а ты в свое отделение.

„Ваше высочество" была расстроена до последней степени. Она хотела провести беседу по гигиене, но никто не пожелал слушать, и ей пришлось тащить воспитанниц силой.

После беседы был чай. Многие любили закусывать его черным хлебом с солью. Верочка сидела с краю, рядом с нею „Ваше высочество". Верочка не могла забыть, что ей помешали дослушать про Амундсена, взяла солонку и всю соль высыпала в стакан руководительницы.

Девочки видели это и потупились. Руководительница глотнула из стакана, выплюнула, вскочила, затопала ногами и закричала:

— Соль. Кто мне насыпал соли? Я спрашиваю, кто насыпал эту отраву?!

— Я,—проговорила Лиза.

— Нет, я, Лизка врет,—крикнула Верочка.

Руководительница подняла стакан и выплеснула его в лицо Верочке. Отделение девочек волновалось, как разрытая муравьиная куча.

— Пожаловаться заведующему, собрать общее собранье, — требовали одни. — Выгнать Маргариту Викторовну. Что мы собаки что ли, что можно нам плескать в лицо?!

— Наплевать ей в глаза,—кричали другие.

История дошла до заведующего. Созывать общее собрание он отказался, а вызвал Верочку к себе и пригрозил переводом к трудным, если она повторит что-либо подобное.

Маргарита Викторовна не понесла никакого наказания. Это обидело воспитанниц до крайности. Они считали, что она виновата больше, чем Верочка. Верочка—ребенок, Верочке можно простить ее шалость, но можно ли простить руководительнице?

В очередном номере стенной газеты „Зоркий глаз" появилась заметка:

„Кипятком в лицо".

У нас в коллекторе все говорят о дружбе между мальчиками и девочками, о товарищеских отношениях педагогов к воспитанникам. Зачем говорить—спросите у Маргариты Викторовны, она научит. Воспитанниц на каждом шагу она называет хулиганками, ребят—дрянными мальчишками, а недавно на Шапкину Верочку выплеснула стакан горячего чаю.

Мы спрашиваем заведующего, можно ли дальше терпеть таких руководителей в коллекторе?

Стенкор „Не могу молчать".

Газета провисела всего лишь несколько минут, заведующий приказал снять ее. Он потребовал, чтобы редколлегия назвала фамилию стенкора „Не могу молчать". Оказался библиотекарь. Заведующий вызвал его и сказал:

— Вы впредь не будете иметь никакого касательства к стенной газете. Я запрещаю. Вы булгачите ребят, вмешиваете их в такие дела и вопросы, которые решать не им и не вам!

— Посмотрим!—сказал библиотекарь и ушел.

С того дня в коллекторе начались смутные дни.

Людмила Михайловна страдала больше всех. Ей было невыносимо, когда дети, которым она отдала все, эти самые дети говорили ей „на-фик". Точно никогда не было дружбы с ними, откровенности, обоюдной доверчивости. Она не выдержала и решилась действовать—написала в ОНО, что коллектор требует немедленного обследования.

(Продолжение следует)

„Ваше высочество" была расстроена.

ДОРОГАЯ НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА!

Редакция журнала „Пионер" вместе с десятками тысяч своих читателей горячо приветствует вас с шестидесятилетним юбилеем.

В своих выступлениях и статьях вы постоянно подчеркиваете необходимость воспитания в ребятах чувства коллективизма, дружбы и любви к труду, к общественной работе.

„Пионер" поставил своей целью пронизать все страницы журнала этими вашими указаниями. Если нам удастся достигнуть намеченной цели, если удастся успешно содействовать борьбе за нового человека, то мы сочтем это за лучший подарок к вашему юбилею.

Редакция журнала „Пионер".

КАК У НАС ГОСТИЛА Н. К. КРУПСКАЯ

В 1926 году, когда мы жили на даче у дяди в тридцати километрах от г. Твери, к дяде и тете приехала в гости Надежда Константиновна. Приехала она из Москвы с дядей и тетей. Мы все были очень удивлены, когда издалека в лесу услышали рев автомобиля. Мы конечно побежали его встречать. В нем мы увидели вместе с нашими какую-то старую женщину. Когда они под'ехали ближе, то я узнал Надежду Константиновну по ее портретам. Она с нами очень приветливо поздоровалась и все время была очень проста и хороша. Мы ее видели за обедом, ужином и чаем, а в остальное время она больше сидела в своей комнате, на веранде или за маленьким столиком в лесу и все что-то писала или читала.

С тетей они вдвоем каждый день по два раза ходили гулять в лес и оттуда приносили грибов да ягод. Иной раз, смотришь, у Надежды Константиновны и губы, и пальцы, и белая кофта—все в чернике. Потом мы на веранде вместе с Надеждой Константиновной почистим эти грибы или ягоды к обеду или к ужину и весело поболтаем. Она нам много рассказывала о своем детстве.

Она говорила, что ей у нас очень нравится, что все так просто и мальчишки всю работу по дому сами делают, матерям помогают. Нас было шестеро от 9 до 16 лет, и она нас называла молодой гвардией. Раз ее снимали со всей молодой гвардией, только она хотела, чтобы с нами снималась и дворняжка Дамка, а Дамка все вертелась и скакала, и снимок из-за этого вышел плохо.

Еще Надежде Константиновне очень нравились наш сосновый лес и тишина кругом, и она все говорила: „Вот если бы Владимиру Ильичу тогда можно было жить и отдыхать в таком тихом, безлюдном месте"...

Сперва никто не знал, кто у нас живет, а потом видно кто-нибудь из проходивших мимо нашего дома узнал ее и разболтал, потому что к ней стали ходить из деревень и с торфоразработок партийцы, комсомольцы и пионеры деревенские.

Раз мы, мальчишки, ее и тетю перевозили на лодке через Волгу в деревню Видогоще, где они хотели смотреть школу, сыроварню и молочную кооперацию. Ну, они пошли, а мы сторожили лодку. А потом уже за ними приехала простая телега с сеном из села Городни. Там устроили целый митинг и Надежда Константиновна говорила речь, все ей были страшно рады. Только пришли домой, а тут уже приехали партийцы из самой Твери, где тоже уже узнали об этом и звали Надежду Константиновну к себе погостить. Через несколько дней она поехала туда с тетей.

Надежда Константиновна в Городне

Тетя нам потом рассказывала, как они вдвоем шли по тихим улицам Твери, и Надежда Константиновна была рада, что ее здесь никто не знает. Но оказывается за ними вслед все время шли какие-то три пионерки, хихикали и шептались,—это они ее узнали, а боялись заговорить с нею. В Твери Надежда Константиновна выступала на большой ткацкой фабрике „Пролетарка" и еще на каких-то заводах, ходила в детские дома и ясли, клубы и детсады.

Деткор **М. Маньков**

Гос. Публичная библиотека

КИП **ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР**

№ 5

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ.

Из устава КИП'а

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

ФАБРИКА НА СТОЛЕ

МОДЕЛЬ МЕХАНИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

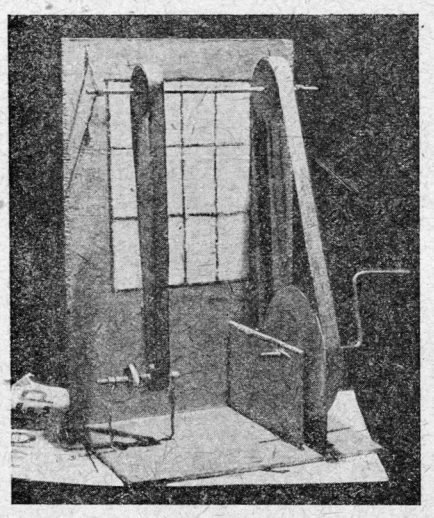


Рис. 1.

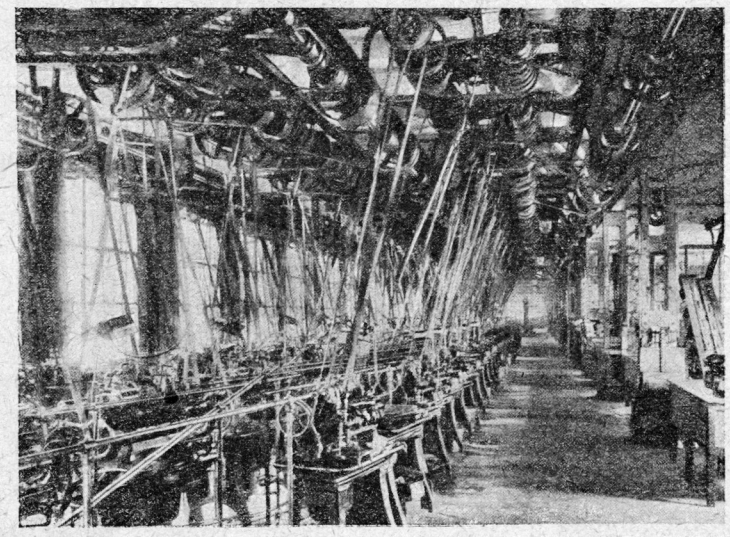


Рис. 2.

Сравните эти два снимка. На одном из них—зал большого машиностроительного завода. Длинными рядами выстроились вдоль зала станки. Над станками—целый лес приводных ремней. Сейчас все неподвижно. Но что здесь делается во время работы! Все эти ремни приходят в движение. Шум такой, словно сотни бичей свистят и щелкают в воздухе. Ничего не разберешь в этой путанице. Куда бегут эти кожаные змеи, куда торопятся? Какая сила заставляет их сновать вверх и вниз, взад и вперед?

На другом снимке тоже механическая мастерская. Это очень маленькая мастерская—она вся помещается на экземпляре журнала „Пионер". Тут все просто и ясно. И если вы хотите знать, что такое приводной ремень, что такое шкив, вал, подшипник, рассмотрите внимательно эту модель, а еще лучше—попробуйте сами смастерить такую же.

Справа от окна—двигатель. Вернее это только рукоятка, а двигателем в этой мастерской будет ваша рука. На оси рукоятки сидит большое колесо—шкив. Наверху, над окном,—приводной вал, сделанный из толстой проволоки. Концы вала лежат в подшипниках. Подшипниками называются опоры для валов. В нашей модели подшипники сделаны очень просто—из проволоки, согнутой спиралью.

На приводном валу сидят два шкива. Внизу справа—станок. Деревянный кружок на валу станка изображает точильный камень. Вместо точильного станка можно сделать токарный. Как устроить небольшой токарный станок, мы расскажем в другой раз.

На шкивы надеты приводные ремни, сделанные из тесьмы.

Что будет, если вертеть рукоятку?

Правый ремень побежит с нижнего шкива на верхний и обратно. От этого верхний шкив начнет вертеться, а вместе с ним завертится и другой шкив, сидящий на том же валу. Значит сдвинется с места и левый ремень. А тогда завертится и маленький шкив, сидящий на валу станка.

Вот как это все просто.

Если бы у нас был не один станок, а несколько, пришлось бы сделать вал подлиннее и над каждым станком посадить на вал по шкиву. Вертя одну рукоятку, мы могли бы приводить в движение и пять и десять станков.

Вы вероятно заметили уже, что шкивы в нашей модели разных размеров? Это сделано с умыслом. Дело в том, что рукоятку трудно вертеть очень быстро. Считают обыкновенно, что рабочий в состоянии сделать 30—45 оборотов в минуту. Но вал станка должен вертеться гораздо быстрее. Он должен делать оборотов 100—200 в минуту, чтобы работа шла достаточно быстро.

Предположим, что вал нашего станка должен делать 120 оборотов в минуту. Как нам этого добиться?

Это совсем не трудно. Займемся сначала правой парой шкивов. Нижний шкив сделаем вдвое больше верхнего (см. снимок). Тогда за один оборот нижнего шкива верхний шкив будет успевать обернуться два раза.

То же самое происходит в повозке: переднее маленькое колесо делает больше оборотов, чем большое заднее. Значит, если нижний шкив делает 30 оборотов в минуту, верхний шкив будет делать 60 оборотов в минуту.

Теперь займемся левой парой шкивов. Здесь опять один шкив (на валу станка) сделаем вдвое меньше другого (на приводном валу). Пока верхний шкив будет делать свои 60 оборотов в минуту, нижний шкив успеет сделать 120 оборотов. А это ведь нам и нужно было.

Меняя величину шкивов, вы можете дать станку и другое число оборотов, и большее и меньшее. Только имейте в виду, что слишком большого числа оборотов такая установка не выдержит—все разладится, разлетится.

Напоследок ответьте-ка вот на какой вопрос. На рис. 3 вы видите два шкива. У одного из них обод выпуклый. У другого наоборот обод с желобком. С которого из этих двух шкивов скорее соскочит ремень?

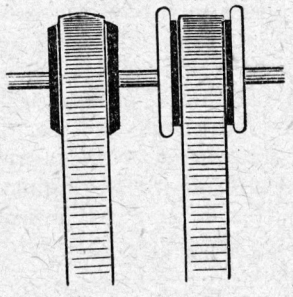


Рис. 3.

Вы конечно скажете: с того, у которого обод выпуклый. Опыт показывает, что это не так. Если даже сдвинуть ремень на самый край выпуклого обода, он при движении опять взберется на середину. А на другом шкиве ремень наоборот будет из желобка карабкаться вверх на край обода. Значит ремень скорее соскочит с того шкива, у которого обод с желобком.

Отсюда вывод: в каждой паре шкивов один шкив надо делать с выпуклым ободом, чтобы не соскакивал ремень.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВЕРШИНУ ЦУГШПИЦА

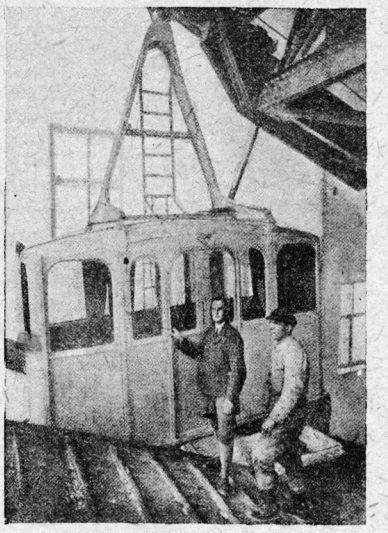
В 1926 году в Германии открыта была для движения новая канатная дорога—на вершину Цугшпица. Цугшпиц—самая высокая гора в Германии (2.995 метров).

У подножия горы—большое красивое здание станции.

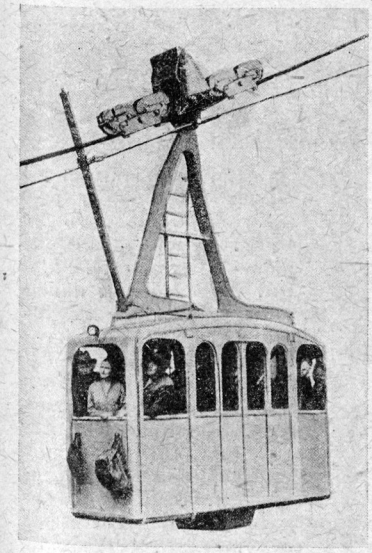
Жутко далается, когда взглянешь вниз с высоты 120 метров.

Вот и верхняя станция. Путешествие продолжалось 16 минут.

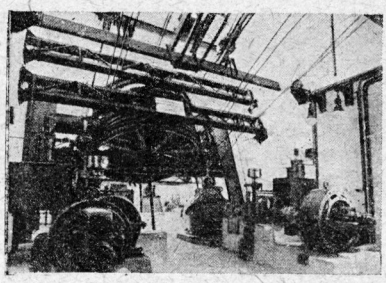
Другая станция—верхняя—находится в 190 метрах от вершины. Словно белая нитка, протянут от нижней станции до верхней канатный путь.



Строитель канатной дороги инженер Керн и его старший монтер.



У вагонетки колеса не внизу, как в трамвае, а над крышей. Они катятся по толстому стальному канату, как по рельсу. Нижний тонкий канат тянет вагонетку вверх.



Машинное отделение канатной дороги. Наверху большая катушка. На эту катушку навивается тот самый канат, который втаскивает вагонетку на гору. Катушка приводится во вращение электромотором в 65 лошадиных сил.

ИЗОБРЕТЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ КИП‘а

САНИ-ПОЕЗД

Нужно отрубить четыре колышка. Два колышка вбить в снег наверху снежной горы. Другие два колышка вбить внизу. На колышки натянуть две веревочки. По веревочкам провести в снегу линии. Эти линии прокопать лопатой на 3 см глубины и ширины. Рельсы готовы. Их полить водой, чтобы замерзли.

Топором отрубить большой кол в $^1/_2$ метра, к колу прибить крючок. Кол вбить в снег на горе.

Нужно раздобыть саней штуки три-четыре, к каждым саням прибить цепочку и сцепить их, как вагоны поезда. К задним саням прибить цепочку с кольцом, чтобы можно было накинуть на крючок. Когда все усядутся, кто-нибудь отцепит цепочку—и поехали!

Вадик Вишневский,
г. Старобельск

Кто умеет? Кто знает?

ВОПРОСЫ

ВОПРОС 12-й. У меня есть некоторые слесарные инструменты, но покрывшиеся ржавчиной. Скажите, что с ними сделать, чтобы они были пригодны?

М. Альтен, г. Ульяновск, школа № 1, отряд № 10.

ОТВЕТЫ

НА ВОПРОС 5-й. Как отвинтить крепко завинченный заржавевший винт?

Заржавевшую вещь нужно положить на день в разведенную соляную кислоту. Кислота растворит ржавчину. Отвинтив винт, надо промыть вещь сначала известковой водой, а потом кипяткои.

С. Куликов, Харьков

НА ВОПРОС 6-й. Как самому отточить сильно затупленный нож?

Нож можно отточить о кирпич и даже просто о булыжник.

Ив. Никаноров, Детское село

НА ВОПРОС 7-й. Возможна ли передача изображений по радио?

Передача изображений по радио уже производится. Вот например реклама, переданная из Берлина в Буэнос-Айрес. Расстояние между этими городами 10.000 км.

НА ВОПРОС 8-й. Кто такой Румплер?

Румплер—известный немецкий изобретатель.

К. Савельев, Ленинград

Зав. клубом М. Ильин.

КЕМ Я ХОЧУ БЫТЬ?

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сотни откликов получила редакция на письмо Шуры Климовой и столько же заметок о том, кем хотят быть ребята. Среди них есть желающие стать слесарями, агрономами, столярами, кондукторами, астрономами, учителями, писателями и т. д., и т. д. Меньше всего набралось мечтателей о кино-славе, и Шура осталась почти в одиночестве. Только 3—4 сочувственных совета прислано Шуре. Остальные ребята резко осуждают ее. В один голос они пишут, что Климова забыла о партии, о комсомоле, а думает только о роскошной жизни в тихом, мещанском уюте. Некоторые ребята почему-то высказываются вообще против стремления стать кино-актером. И наконец многие предлагают ,,выгнать ее из отряда'', ,,пусть уезжает за границу'', ,,она совсем чужая нам''. Если редакция присоединяется к письмам, осуждающим мечты Шуры, то уж с такими предложениями согласиться нельзя. Шура виновата. Но виноват и тот отряд, который не сумел воспитать в ней лучших стремлений, виноваты те ребята, которые не хотели Шуре дать хороший совет.

,,ПИОНЕР'' поставил перед собою задачу помогать своим читателям „выйти в люди". Мы очень рады, что сотни ребят, приславших письма, сумели уже выбрать себе определенную профессию. Но ведь их пока только сотни. А где остальные сотни тысяч ребят?

Мало также наметить себе цель жизни, мало выбрать профессию. Надо всеми силами добиваться достижения этой цели, профессии. И в этом трудном пути редакция ,,ПИОНЕРА'' протягивает каждому из вас свою руку помощи. Мы будем печатать воспоминания квалифицированных рабочих, инженеров, учителей, агрономов о том, как они стали такими людьми. Мы будем давать справки о порядке поступления в фабзавуч, профшколу, на рабфак, в вуз и т. д.

И наконец на каждое ваше письмо редакция будет отвечать по почте о том, правильно ли вы себе выбрали профессию, как ее приобрести. Пишите нам, крепите нашу дружбу.

И. РАЗИН (Редактор ,,ПИОНЕРА'')

ЗАБЫЛА О КОМСОМОЛЕ

Мы, пионеры детдома № I им. Ленина, в г. Дмитрове, прочитав журнал ,,ПИОНЕР'' № 2, нечаянно наткнулись на письмо Шуры Климовой. Мы все были возмущены тем, что Шура мечтает о буржуазной жизни. Она мечтает сделаться знаменитой кино-артисткой для того, чтобы получать громадные деньги и быть известной и лучшей кино-артисткой нашего Советского Союза. Она пишет в письме, что будет почти половину и даже больше половины своего жалованья отдавать на дело индустриализации нашего СССР. Но мы, пионеры, говорим ей, что все эти обещания пропадут даром (если только она сделается кино-артисткой). И в ее письме есть другая хорошая черта. Она пишет, что она не будет забывать своих родителей, будет помогать братьям. Обстановку она выдумала слишком буржуазную. Мы составили о ней очень плохое мнение. Ей уже больше 15 лет, а она и не думает о комсомоле.

Мы ей советуем лучше работать в пионеротряде, чтобы стать активной комсомолкой, а потом и членом партии.

И у нас есть ребята, которые кончают в этом году семилетку. У них в мыслях нет того, что есть у Шуры Климовой. Они хотят быть общественными работниками.

Разрешите нам, дорогая редакция, посоветовать кем ей быть. Окончив семилетку, пусть она заполнит анкету в любой техникум, в какой ее только тянет.

Пионеры-детдомовцы

Дмитров

БУДУ АГРОНОМОМ

Когда я прочитала во 2-м номере ,,Пионера'' письмо Шуры Климовой, то решила написать вам, кем я хочу быть и почему. Когда я окончу 2-ю ступень, а это будет через 2 года, то я поступлю в с/х. институт и буду учиться стать агрономом. Агрономом я хочу быть, потому что крестьяне наши очень некультурны и из-за своей некультурности они получают маленькие урожаи с хорошей земли.

Хотя я и не буду известна на весь мир, какой собирается быть Шура, но я думаю, что принесу нашей стране большую пользу, чем кино-актриса.

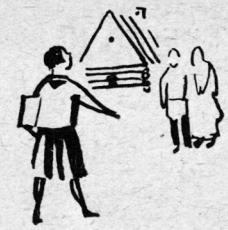
Еще я хочу написать про то, как я буду жить. Я думаю, что у меня будет комнатка с окнами в маленький палисадник, в котором будут расти цветы, в комнате не будет ни ковров, ни рояля, но будет обязательно стоять книжный шкаф. Вечерами я буду сидеть у окна и читать книгу или беседовать с крестьянами.

Еще хочу я написать о том, что интересно ли будет в отряде, когда мне будет больше пятнадцати лет. По-моему интересно, ведь теперь отряды переходят на новую систему и работа будет интересной, но даже, если неинтересно в отряде, то можно работать в ячейке комсомола.

С пионерским приветом

Воронеж **Таня Окулова**

ШУРА, ИДИ В ДЕРЕВНЮ



Я прочитал письмо Климовой „Кем я хочу быть". И похохотал же я здорово над ней. Прочитать курицам: если бы они понимали, то тоже бы хохотали. Посмеялись и по-старчески и по-детски — сестренка и бабушка. Будущая киноактриса!!... Во всем мире известная!!.. Мечтающая получать два миллиона рублей по примеру Мери Пикфорд. Ха-ха-а-ха!!.. Здорово!!..

Долго бы все мы хохотали, да я их остановил: „дайте я напишу свое суждение об этой Шурке, мечтающей о хорошей жизни"—перебил я их. Стихли.

Вот сажусь, беру деткорское перо в руки и пишу. Дело хорошее стать киноактрисой, но не советую этого делать нам—новому, здоровому пионер-поколению. Пионер—строитель будущего. Мы, пионеры, должны строить социализм. Можно ли построить социализм, если мы, пионеры, хотим быть „актрисами" и воздушными пахарями?

Я думаю, что нет. Нам нужно сейчас бросать все новые, лучшие силы в деревню. В городе легче строить социализм, чем в деревне. В деревне у нас зачастую властвует классовый враг—кулак. Нам, пионерам, многому научившимся в школах, в отрядах и вышедшим из детского возраста, нужно вливаться в крестьянские массы, в массы неорганизованных крестьянских детей. Отдавать все свои силы и знания крестьянам. Научить крестьянина, как правильно вести сельское хозяйство, как перейти от трехполья на многополье. Ликвидировать неграмотность. Втягивать батраков, бедняков и середняков в колхозы. Вот какую большую работу мы должны сейчас выполнять и этим самым строить социализм.

Шура Климова! я тебе советую быть хорошим деревенским общественным работником, а не всемирной кино-звездой. Я тоже хочу быть строителем, хотя бы маленьким винтиком или гайкой в деле социализма и коммунизма.

Митя Медведев

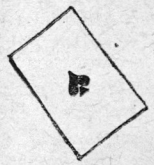
с. Н. Игнаш.

ВИНОВАТА ЛИ КЛИМОВА

Прочитав письмо Шуры Климовой, мне захотелось назвать ее институткой, отгороженной от живой жизни. Этим именем называла таких, как Шура, Надежда Константиновна Крупская.

Шура ходит в отряд, чтобы разогнать свою мещанскую скуку. Собираясь уходить из отряда, она ни слова не говорит об общественной работе и переходе в комсомол. Она не хочет обыкновенной работы, потому что мала плата для ее буржуазных требований. Кино-артисткой она хочет быть не столько потому, что у нее есть большие способности, а для того, чтобы быть известной во всем мире и получать миллионы. Очень жаль, что такие ,,таланты'' засиживаются в глухих городках, ей обязательно нужно быть в Париже, где она скорей добьется славы и приобретет ковры

с роялью. Ей хочется устроить свою жизнь, как в старом буржуазном обществе: камин, подруги, муж, танцы, лото, карты, вот что заполняет мечты ,,пионерки'' Климовой. Шура заботится только лишь о своей личной жизни. Где же ленинское воспитание, где забота не только о себе, но и об окружающих, где стремление участвовать в улучшении окружающей жизни? Ничего этого у Климовой нет. Даже не хочется думать, что она пионерка.



А может быть здесь вина не Климовой. Вероятно и сам вожатый барнаульского пионер-отряда им. Крупской не занимался общественно - политическим воспитанием своих пионеров, а сам с мещанским душком и стремлениями сыграть в лото и поехать в Лондон?

Что же вынесла из отряда Климова, пробыв там почти до шестнадцати лет? Самомнение и барские замашки. Рассуждая о себе, она проглядела ту гигантскую работу, которой так много для пионеров, помощников своим старшим братьям.

Обращаюсь ко всем ребятам и пионерам: не берите пример с Климовой, а то нам нехватит ковров и роялей. Обсуждение вопроса, ,,кем я хочу быть'' дело хорошее. Но наши требования и мечты должны быть более практическими, связанными с борьбой за лучшую коллективную жизнь.

В. Меркулова

с. Теляжье

ДАЙ ПЯТЬ, ШУРА!

Шура! Твое письмо очень повлияло на меня. Во-первых в этом письме ты пишешь о моей мечте. Значит, мы с тобой одного мнения? Да, я вижу по письму, что одного. Ты пишешь, что кончаешь семилетку и у родных нет средств учить тебя дальше, а поэтому ты хотела бы стать кино-артисткой и получать много денег.

Шура, в этом году я тоже кончаю семилетку, и родные дальше учить меня не будут, так как нехватает средств. Они хотят, чтобы я еще подготовилась и сдала экзамен на простую учительницу. Но дудки! Этого не будет, так как быть простой учительницей у меня нет никакого желания. Шура, мне интересно знать, как смотрят твои родные на твое будущее. Мои родные даже слушать не хотят, когда я им говорю, что я буду кино-артисткой. Папа отвечает так: „ты кушаешь у меня хлеб, да еще и не хочешь учиться тому, что я тебе предлагаю". Он угрожает взять меня сейчас же из школы. А поэтому последнее время я не стала никому говорить о том, что я думаю стать кино-актрисой. Мне не с кем поделиться своей мечтой. И ты сама можешь понять, почему я написала тебе письмо.

Я никогда не думала, что у нас в СССР есть такая девочка, как и я, т. е. одних со мной стремлений.

Шура, я не знаю, осуществится ли мой план будущего или нет. Может быть ты скажешь, почему же не осуществиться тому, что тебя интересует. Да потому, что мне только пятнадцать лет и родные имеют право не сделать того, что я хочу. Но когда я буду совершеннолетняя и уйду из-под ига родных, тогда...

Эх, долго ожидать, милая Шурочка!

Шура, друг, милая, дай мне руку! До свиданья.

С пионерским приветом

Е. Якименко

С.-К.К., ст. Белореченская

ТЫ ЗАМЕЧТАЛАСЬ

Ну, Шура, я не думал, что ты такое письмо напишешь в редакцию журнала ,,Пионер''. По-моему ты просто начиталась романов про кино-актеров, вот у тебя и появилась желание стать кино-артисткой. Ты просто хочешь быть известной и получать много денег и под конец даже пишешь, что у тебя будет муж и т. д. и т. п.

Шура, если ты хочешь приносить пользу строительству социализма, то вот мой совет: не жертвуй денег, которых у тебя нет, а займись распространением займа индустриализации.

Дальше, Шура, не нужно говорить, что мол мне надоел наш город и ты его за это хочешь покинуть. Шура, там хорошо, где нас нет. Везде нужно трудиться, а мало продуманные мысли никуда не годятся. Советую посмотреть кинофильму ,,Лихое золото''. Многие думали, что золото легко можно добыть, оказалось наоборот. Так и ты можешь ошибиться.

В доме у тебя будет точно у старого барина XVIII века. Шура, думая о хорошей комнате и о играх в карты и лото, ты позабыла о беспризорных, которым холодно и голодно. Вот о чем нужно позаботиться, а не о коврах с роялью. Это очень глупо.

Ну, нужно кончать, смотри, глупости не делай, не уходи из отряда. Я много старше тебя и меня не гонят, и я сам не ухожу из отряда, люблю пионеров и их работу, того и тебе желаю. Если тебе трудно экономически, то я думаю, что нашим отцам было труднее, но они работают и работали. Возьми хоть маленькую работу и учись на каких-либо заочных курсах. И дома будет хорошо и тебе неплохо. Возьми газету ,,Известия''—там много предлагают курсов, выбери по вкусу, работай и учись—и ты выйдешь в люди.

Шура, не сердись за критику.

С пионерским приветом

Миша Клоков

Новгород, Сев.-Зап. обл.

БУДУ КИНО-АКТЕРОМ

Просматривая № 2 ,,Пионера'', я прочел письмо Шуры Климовой. Оно меня очень взволновало, потому что я тоже мечтаю стать кино-актером и надеюсь осуществить свои мечты.

Жизненные условия мои нисколько не лучше, чем у Шуры: отец умер во время голода. Кроме матери у нас в семье никто не работает, только учатся, и на скудное жалованье, которое получает моя мать, приходится жить вчетвером. У меня нет средств даже на выписку ,,Пионера''. Я хожу в читальню и там читаю журналы ,,Пионер'' и ,,Знание—сила''. В школе ребята из драмкружка посоветовали мне выписывать газету ,,Кино''. За несколько месяцев я накопил денег и выписал газету, из нее я вычитал много полезного о кинематографии. В газете я нашел адрес кино-курсов и решил написать туда письмо с просьбой о принятии меня на курсы. Я еще писал о том, что я пробую перед зеркалом изображать лица артистов. У меня было мало надежд получить ответ, думаю осмеют меня и только, но что ж вы думаете? Через несколько дней получаю ответ. Моей радости не было конца!

Я распечатал письмо дрожащими руками и с жадностью стал читать каждое слово. Ответ был краток, мне прежде всего советовали окончить семилетку и поменьше кривляться перед зеркалом, потому что это приносит вред. В конце мне написали, что по окончании семилетки мне сообщат подробные условия приема, советуя также читать больше кино-литературы. И теперь я с нетерпением жду окончания семилетки. А Шуре Климовой скажу то, что пускай она не мечтает получать такое жалованье, как Мери Пикфорд и жить в такой роскоши. М. Пикфорд ведь живет в буржуазной Америке, а Шура Климова—гражданка Советского Союза.

Степанов

Рославль

НЕ МЕЧТАЙ ТАК

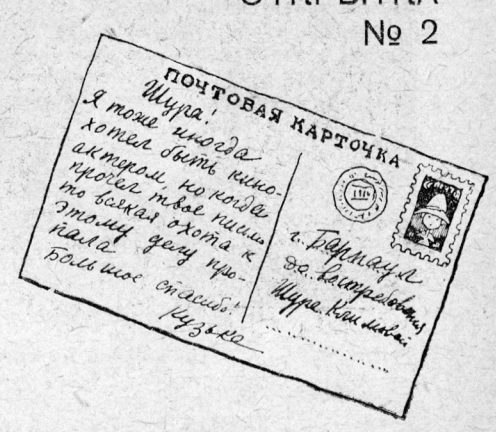
Мы, пионеры Рековического отряда, отвечаем на письмо Шуры Климовой и советуем, как ей быть. Мы советуем ей работать в каком-нибудь учреждении.

Мы не советуем ей быть кино-артисткой, получать много денег и на эти деньги заводить хороший дом, рояль, а также играть в карты и лото. Это совсем не по-пионерски. Советуем итти по заветам В. И. Ленина и не мечтать так, как она мечтает сейчас. Так жили только помещики и капиталисты.

С пионерским приветом

Рековический отряд, 5-е звено

КУЗЬКИНА ОТКРЫТКА № 2



ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

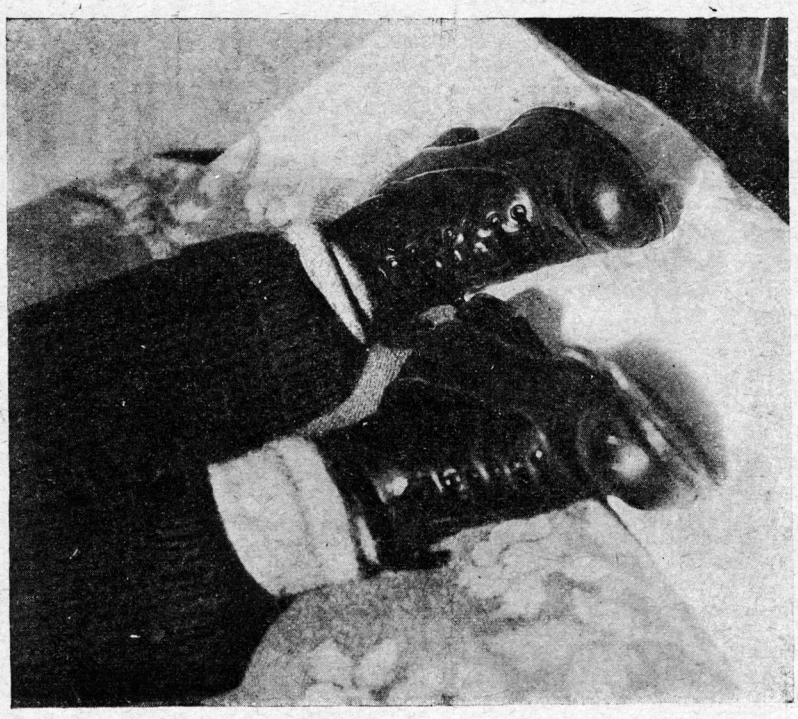
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР" ОТКРЫВАЕТ ОБСТРЕЛ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК В БЫТУ. ВСЕ ЧИТАТЕЛИ ИСПОЛНЯЮТ ВСЕ, ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО, КАК БОЕВОЙ ПРИКАЗ.

Не пей из водопроводного крана—ты не знаешь, кто пил из крана до тебя.

Не спи одетым это стесняет кожное дыхание (кожа тоже дышит).

Не целуй животных — можешь заразиться глистами. Поиграв с животными — вымой руки.

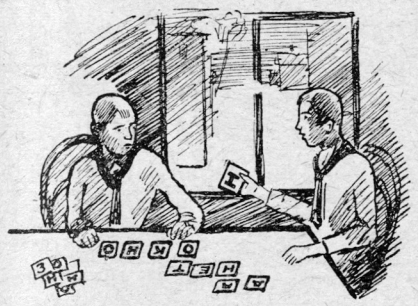
Не ковыряй в зубе вилкой — это портит зубную эмаль.



Не ложись на кровать в обуви.

В ушах тоже не ковыряй — может воспалиться барабанная перепонка.

У СЕБЯ ДОМА



ИГРА В БУКВЫ

Это очень простая, но в то же время занимательная игра. Для того чтобы ее изготовить, нужен лист плотной белой бумаги. Этот лист надо разделить на столько равных квадратов, сколько выйдет. Проще всего лист писчей бумаги делится на 64 квадрата. На каждом квадрате рисуется буква. Начинают с А и кончают последней буквой алфавита — Я. Затем начинают снова с буквы А и продолжают, пока хватит квадратов. После этого квадраты вырезают и начинают игру.

Участвовать в игре может несколько человек. Играющие садятся вокруг стола, и один из них (по жребию) собирает все квадраты с буквами в какую-нибудь чашку и, смешав их там, опрокидывает на стол. Затем он должен из всех квадратов, оказавшихся лицевой стороной кверху, составить как можно больше слов. Остальных квадратов (лежащих кверху чистой стороной) трогать нельзя. Когда играющий увидит, что больше слов ему не составить, он должен подсчитать свои результаты: счет следующий: 1 очко за слово, в котором две буквы („он", „да" и т. д.), 2 очка — за слово, в котором три буквы ("газ" „ров", „мир" и т. д.), 3 очка — за слово из четырех букв („гора", „труд" и т. д.). После этого наступает очередь следующего из играющих и т. д.

Выигрывает тот, у кого по окончании игры окажется больше всего очков. Количество очков надо записывать на листике бумажки.

Ниро

САМОДЕЛЬНЫЕ ПУГОВИЦЫ

Чтобы сделать такую пуговицу, нужно достать у охотников так называемую „выческу", которой они высекают круглые пыжи.

Вместо вычески можно взять какую-нибудь металлическую трубку длиной около 12 см., а в диаметре от 8 до 20 мм., смотря по величине тех петель, для которых будут делаться пуговицы. Концы трубки нужно заточить на бруске.

Такая трубка ставится острым концом на фанеру или кожу, или же картон (глянцевитый от блокнота) и ударяется сверху деревянным молотком. Фанеру надо класть на торц толстого березового полена, для чего полено надо поставить стоймя. При этом получаются аккуратно вырубленные кружочки, в которых шилом можно проколоть 2, 3 или 4 дырочки или лучше просверлить их дрелью. Через эти дырочки пуговица будет пришиваться к одежде.

Для большей прочности и красоты пуговицу необходимо обтянуть материей, тонкой кожей, переплетным полотном соответствующего цвета. Для этого или вырезают или тоже насекают из соответствующего материала кружки, имеющие диаметр вдвое больше, чем пуговица. На этот кружок кладут пуговицу, концы материала пригибают к центру и стягивают их ниткой при помощи иглы, захватывая диаметрально противоположные точки кружка попарно.

НИТЯНЫЙ ТЕЛЕФОН

Мы жили в Алуште на берегу моря. Однажды начался ужасный шторм; из-за шума прибоя на расстоянии шага не было возможности слышать голос человека; нужно было прикрыть ладонями рот и кричать громко в самое ухо, чтобы сделать свой голос слышным. Мы с ребятами пошли на взморье и, растянувши нитку, стали переговариваться в нитяный телефон. Слышно было великолепно, и ясно можно было различить тембр голоса, кто говорит — Володя или Коля, или Андрюша, а между тем расстояние было шагов 50, а то и больше. Ребята были в восторге, но долго не понимали, почему так ясно слышно, несмотря на бурю.

Наш телефон был сделан очень просто: взяли две баночки из-под баклажан (диам. 7 см., длина или высота 9,5 см.—рис. 1), донышки аккуратно вырезали, а с одного конца обвязали чистым мокрым пузырем (который хорошо промыли содой и мылом).

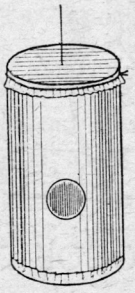


Рис. 1.

Когда пузырь высох, из него получилась мембрана. Тогда мы взяли суровую нитку и иголку, вырезали из картона два кружочка (диам. 6 мм.) и пропустили через центр кружочков нитку с узелочком, после этого в центр пузыря, т. е. мембраны, изнутри пропустили иглу с ниткой, так, что на каждой мембране изнутри в центре был кружочек. Это было сделано для того, чтобы узелок не проскакивал в дырочку. Вот и все. Взяли две таких трубки и длинную нитку, которую привязали к телефонным ниткам. Когда нитка натянута, то колебания воздуха от звука голоса передаются мембране, эти колебания идут по ниточке и заставляют вторую мембрану делать тоже колебания, а от нее образуются воздушные волны, которые уже попадают в ухо.

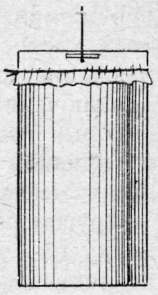


Рис. 2.

Недостаток прибора в том, что нельзя при помощи его слушать, если нитка должна делать угол. Кроме того невозможно сразу говорить и слушать. Нужно поэтому сделать две трубки добавочных, но в этих трубках заклеить бумагой и второе дно, а сбоку вырезать дырочку (диаметр около 2 см. — рис. 2). Соединять так: первая линия—в прямую трубку я говорю, а товарищ слушает в боковую трубку, он говорит в свою прямую трубку, а я слушаю в свою боковую. Рисунок № 3 представляет схему двух линий, прямая банка обозначена буквами: „гов.", т. е. „говорит", а боковая с отверстием: „сл.", т. е. „слушает".

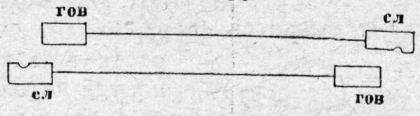


Рис. 3.

В. Попов

Интересные случаи в редакции

ТРЕХМЕТРОВОЕ ПИСЬМО

Пять лет тому назад деткоры назывались пикорами. Правда от деткоров теперешних они мало отличались, разве только тем, что было их меньше, а писали они больше. Пришла как-то в редакцию посылка, а мы тогда редко получали посылки. Все заинтересовались—в чем дело. Распечатали, а там корреспонденция. Да какая! Комната редакции была тогда маленькая. Встал редактор у одной стенки, секретарь у другой, протянули письмо, а оно длинней комнаты. Смерили мы его, оказалось около трех метров. Описывались в этом письме приключения юных спартаковцев в Германии. Только приключения эти были выдуманные, потому что пикоры, которые написали эту корреспонденцию, в Германии не бывали, а о юных спартаках только по-наслышке знали. Так и не пошло письмо.

Другой раз, года через два, прислал деткор заметку на сорока громадных листах. Мы ее читали коллективно. Развесили листы на стене, сверху донизу. Лестницу приставили и читали. Это письмо всю стенку заняло.

ДЕТКОР В КОТЕЛКЕ

В 1926 году это было. Сидим мы в редакции: слышим шум за стенкой. А стенки в редакции были тонкие, почти фанерные. Все слышно, что в коридоре творится. Слышу я голоса.

— Театр в „Пионере!“

— Нет, живая газета.

— Актер это!

— Какой актер. Это ребенок!

Открывается дверь, входит человечек небольшого роста с палкой и в котелке, не посуда котелок конечно, а шляпа-котелок. У нас в СССР таких шляп теперь и не носят...

Человек этот оказывается деткор, из Челябинска приехал—стихи привез. Стихи были средние—ни хорошие, ни плохие.

Спрашиваю: ты зачем так нарядился?

— А вам какое дело. У вас на шляпу есть деньги. У меня нет. Я и купил дешевую на базаре.

Этот парнишка один приехал с Урала, у него ни родных, никого не было. Должно быть из него вышел бы хороший человек—энергичный и дельный. Но в других редакциях захвалили его стихи. Он стал нос задирать, загордился, учиться не захотел, работать тоже. Мы его после встречали; сейчас ему лет семнадцать, а он бездельничает и плохие стихи пишет. Жалко.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

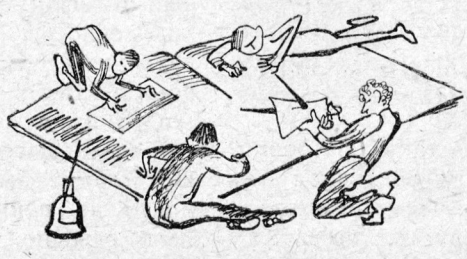
В 1925 году в журнале печаталась кино-поэма „Вокруг света“ о приключениях Мити-пионера. Подал мысль о том, чтобы печатать, Богданов и он же взялся писать ее. За работу он принялся очень горячо и написал сразу на несколько номеров. Но чем дальше от СССР уезжал пионер Митя, тем больше надоедало Богданову описывать его приключения. Взявшись путешествовать вокруг света—Митя еле-еле дотянул до Англии, оттуда никак не мог выехать. Мы запирали Богданова в редакции и домой не пускали, никак у него дальше не шло. Митю-пионера в Англии оставлять нельзя было дольше чем на две недели, т. е. до следующего номера. Пришлось отправить его обратно домой.

Мы уверены, что Мите-пионеру легче было совершить путешествие, чем нам заставить Богданова дописать до конца.

ПОЧЕТНАЯ РАСКЛЕЙКА

Самая приятная из редакционных работ—это расклейка. В первые годы существования журнала всем работникам журнала хотелось расклеивать. Работы над ней не мало. Нужно расположить и разметить тексты и рисунки по всему номеру.

Наш тогдашний ответственный редактор тоже любил делать расклейку и никому другому не давал. Как мы его ни убеждали, что он человек нездоровый, что ему утомляться не надо—он не соглашался. Мы отдыхали только тогда, когда он действительно был болен. Тогда мы клеили и переклеивали сколько душе угодно.



Сейчас каждый номер расклеивает весь редакционный коллектив, но работа эта нам так же приятна, как пять лет тому назад.

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

РЕДАКЦИЯ „ПИОНЕРА“ .... В БОЮ

Многие ребята и даже вожатые пишут, что не понимают, как работать по новой системе, что в отрядах тоска и скука, они не знают,что делать, и вообще все плохо.

Редакция решила на деле доказать, что по новой системе можно работать. Поэтому...

... в среду, 27-го февраля, в 8 час. вечера, редактор и секретарь журнала „Пионер“ слезли с трамвая № 34 в конце Девичьего Поля и пошли по Б. Пироговской улице. Затем они свернули в Б. Савинский переулок и долго искали клуб ситценабивной фабрики им. Свердлова.

Поднявшись на 3-й этаж, они остановились перед дверью пионерской комнаты, перевели дух и вошли.

За столами на полуразломанных, исковерканных стульях сидело человек двадцать ребят. Они писали лозунги к перевыборам советов. Несмотря на то, что в комнате было жарко, все ребята сидели в пальто и шапках. Несколько человек возились и мешали работать. В углу солидно возвышалась куча мусора. Очевидно, он накопился за последние два месяца.

В другом углу торчали ножки опрокинутого стола: из стола при помощи планок, каких-то сеток и гвоздей устроили ящик для хранения старой бумаги.

На стене висела декабрьская стенгазета. Ребята рассказывали, что ее сделал и написал у себя дома сам вожатый.

Дальше выяснилось, что на фабрике не один стряд, а целая база из трех отрядов, причем один совсем развалился. На следующий день назначены были сборы звеньев.

28-го февраля сборы звеньев сорвались: пришло слишком мало ребят, поднялась возня, гам, шум.

Зато 1-го марта собрался актив базы; многое удалось узнать на активе: санком не работал, хозкома вовсе не было, а что касается бибкома, то большинство ребят даже не знало, что такое бибком.

Из актива только четыре человека читают „Пионерскую правду“. А актива было больше двенадцати человек.

Ребята рассказали, что иногда происходят драки с ребятами соседнего завода „Ливерс“.

Потолковав о том, что происходит в отряде, ребята, по предложению редактора „Пионера“, решили об'явить базу на боевом положении, избрать штаб и открыть боевые действия.

В штаб избрали шесть пионеров, и редактора журнала „Пионера“.

В штабе уже приступили к работе.

А о том, что делает штаб и под его руководством база—будет из номера в номер печататься в журнале „Пионер“.

НЕОЖИДАННОЕ ПОЯВЛЕНИЕ...

Через пять минут после того, как этот номер „Пионера“ отвезли в типографию для того, чтобы печатать, в редакцию пришла девочка лет шестнадцати, села за стол и заплакала.

Собравшиеся сотрудники редакции стали спрашивать, что с ней случилось и кто она?

Девочка сквозь слезы сказала, что она... Шура Климова и что она убежала из Барнаула в Москву, потому что там ребята совсем ее затравили.

— Мне проходу не давали, называли меня актрисой, миллионершей, „Мери Пикфорд“, барыней и много еще как... Отец дома тоже часто бранил меня и один раз, когда я стала с ним спорить, даже побил...

Дальше Шура рассказала, что с ней никто не хотел больше дружить, даже разговаривать не хотели и что она убежала сюда к тетке. Рассказав все это, она попросила редакцию помочь ей поступить в кино-техникум.

Тут как раз в редакции оказался писатель Николай Богданов. Он долго говорил с Шурой и сказал, что он поможет ей поступить в кино-техникум, хотя ему бы не хотелось, чтобы Шура туда пошла.

Потом Н. Богданов обещал писать в редакцию обо всем, что случится с Шурой.

Успокоившись, Шура ушла к тетке, а Богданов стал к окошку и о чем-то задумался.

Мы думаем, что все то, что случится с Шурой Климовой, вам, ребята, интересно будет узнать. Поэтому мы решили все, что нам будет рассказывать Николай Богданов, печатать в журнале.

В ДАЛЬНИЕ ЭКСКУРСИИ!

Редакции журналов „Знание — Сила“ и „Юный натуралист“ организуют летом этого года дальние экспедиции для своих читателей—школьников и пионеров.

Редакция журнала „Знание - Сила“ проводит конкурс на лучшие модель и школьное оборудование. Премии—поездки в Москву на неделю.

Подробности читайте в третьих номерах этих журналов!

ГОТОВЬТЕСЬ К МИТИНГУ!

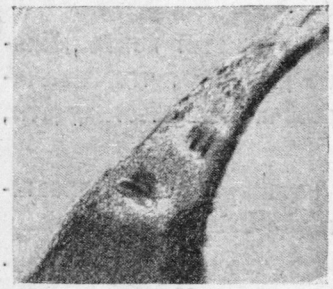
В следующем номере „Пионера“ начинается митинг читателей о том „Какая нам нужна дружба“.

Ребята! Шлите свои речи на митинг.

ЦЕНА 20 КОП.

10828

ФОТО-ЗАГАДКИ



№ 1. Какая это птица? Где она обитает? Догадайтесь, чем питается это существо.

№ 2. Что это такое, на кого оно похоже. Кто догадается, какое это животное, может назначить себе ученую степень.

№ 3. Что делает этот человек, если это вообще человек, если же это не человек, то почему он такой странный. Шлите разгадки в редакцию.

№ 4. Что делает человеческая рука? Чем она занята? Что это такое?

На этой странице много странных птиц, неизвестных животных, невероятных людей, единственно понятное существо изображено на этой фотографии—это двухголовый теленок, которого мы нашли специально для юбилейного номера. Следовательно даже двухголовые телята принимают участие в юбилее „Пионера".

?

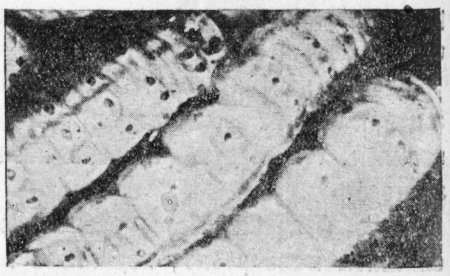
?

?

?

?

?



№ 5. Чья это рука? Чьи это пальцы? А быть может это и не пальцы?

№ 6. Что это такое? Что оно ест или кто его ест. Догадливые, присылайте ответы в редакцию.

Москва. Главлит А 33.891. Изд. № 3258. 45.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.